

А. Тищенко & Л. Емелина

Волшебные приключения в мире финансов

Тайна заброшенного города

Людмила Емелина

**Волшебные приключения
в мире финансов. Тайна
заброшенного города**

«Издательские решения»

Емелина Л.

Волшебные приключения в мире финансов. Тайна заброшенного города / Л. Емелина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832736-0

Несколько веков семья Саната Клаусов владела подарочным производством, но вела дела в долг и потеряла его. Молодому Клаусу приходится начинать бизнес. Вместе с друзьями он берёт кредит в банке гномов, налаживает добычу руды. Завод игрушек они находят в заброшенном городе, который недавно процветал, но был покинут жителями и приобрел дурную славу в королевстве. Друзья расследуют загадочную историю, заставившую жителей покинуть город. В конце вы найдете рождественские игрушки, открытки, рецепты

ISBN 978-5-44-832736-0

© Емелина Л.
© Издательские решения

Содержание

Северный ветер	9
Фиалковый мармелад	18
Скверный день рождения	21
Рыцарь на чёрном коне	28
Призрачная победа	33
Каникулы Рудольфа	38
Хмурое утро	41
Рассвет и мгла	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Волшебные приключения в мире финансов Тайна заброшенного города

Анна Тищенко
Людмила Емелина

Иллюстратор Анна Тищенко

Дизайнер обложки Анна Тищенко

Редактор Татьяна Чернова

© Анна Тищенко, 2018

© Людмила Емелина, 2018

© Анна Тищенко, иллюстрации, 2018

© Анна Тищенко, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4483-2736-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО
НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОВЕТ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

А. Тищенко, Л. Емелина

Тайна заброшенного города

Выпускается при поддержке «Ассоциации форекс-дилеров»

Автор

Тищенко Анна - писатель, автор пяти романов, в том числе приобретшего широкую известность «Либертиона»; лауреат литературных конкурсов; профессиональный художник - график и иллюстратор (МГАХИ им. Сурикова), член ТСХР, автор многочисленных персональных выставок в России и за рубежом; лауреат ряда российских и международных художественных конкурсов.

Автор

Емелина Людмила — кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения Высшей школы правоведения ИГСУ РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации. С 2009 г. — член Экспертного совета по семейному и социальному праву при Комитете Государственной Думы Федерального Собрания РФ по вопросам семьи, женщин и детей. Автор более 90 научных и учебно-методических работ по теории и истории государства и права, гражданскому, семейному и трудовому праву; с 2014 г. принимает активное участие в мероприятиях по повышению финансовой грамотности школьников, организуемых Национальным советом финансового рынка

Я думаю, талантливые авторы этой книги – Людмила Емелина и Анна Тищенко – сумели найти ключ к той задаче, которую мы всегда ставим перед собой, когда речь идет о работе над повышением финансовой грамотности. Как совместить задачу обучения финансам с тем, что радует душу, развлекает ум, увлекает воображение? Да еще и – в формате для самых юных наших сограждан? «Волшебные приключения в мире финансов» – тот самый случай, когда задача решена блестяще. Перефразируя Пушкина, можно сказать, что авторам удалось повернуть алгебру гармонией, совместив уроки финансовой грамотности с увлекательным, веселым, неожиданным приключенческим сюжетом. И я уверен, что эта книга принесет много приятных минут и полезных знаний своим читателям.

Анатолий Аксаков – к.э.н., председатель Комитета Государственной Думы России по финансовому рынку, председатель совета Ассоциации банков России

Дорогие друзья! Все мы с детства любим сказки. Они учат нас доброте, верности, честности. Они дают нам и первых в нашей жизни героев, которым хочется подражать, и примеры того, как неразумные поступки могут привести в пасть волка. Одним словом, они учат нас жизни. Чтобы эти сказочные уроки были нам понятнее, сказки со временем меняются, вбирая в себя узнаваемые черты реального современного мира. И сегодня я имею огромное удовольствие предложить Вам прочесть именно такую сказку – мудрую, но современную, добрую, но правдивую, волшебную, но очень понятную. Желаю Вам, чтобы эта книга стала для Вас таким же удивительным открытием волшебного мира финансов, каким она стала для моего сына!

*Андрей Емелин
Председатель Национального совета
финансового рынка к.ю.н*

Финансовая грамотность – очень важная составляющая успеха в современном мире. И впитывать эти знания современному человеку нужно с самых ранних лет жизни. Но наука это сложная. Поэтому финансовая грамотность, рассказанная языком сказки – замечательный и пока уникальный пример разговора на важнейшие темы с самыми маленькими «потребителями финансовых услуг» – на языке доступном и увлекательном. Спасибо авторам за замечательную книгу, которая очень понравилась моим детям!

*Михаил Мамута
Руководитель Службы по защите прав
потребителей
финансовых услуг и миноритарных
акционеров
Центрального банка Российской Федерации
к.э.н*

Книга «Волшебные приключения в мире финансов» Людмилы Емелиной и Анны Тищенко – один из самых удачных, ярких и талантливых проектов в области повышения финансовой грамотности подрастающего поколения. Написанная живым языком, с увлекательным сюжетом, эта книга, несомненно, будет востребована российскими школьниками и позволит им получить не только удовольствие от хорошей детской книги, но и усвоить азы финансовой грамотности, столь актуальной для современного российского общества. Поддерживая этот проект, Ассоциация форекс-дилеров уверена, что он найдет благодарную аудиторию, повысит финансовые познания наших детей и поможет им лучше адаптироваться в сложном, но интересном мире финансов.

*Евгений Машаров, к.ю.н., руководитель
СРО «Ассоциация форекс-дилеров»*

«Волшебные приключения в мире финансов» Анны Тищенко и Людмилы Емелиной – очень необычный эксперимент. По сути это первая попытка найти новый формат для реализации того, что мы в последние десять лет привыкли именовать «повышением финансовой грамотности». Как подавать финансовые знания, не превратив их в прокламации или «казенщину»? Анна Тищенко и Людмила Емелина нашли свой ответ на этот вопрос – неожиданный увлекательный формат сказок. И постарались сделать это максимально весело, искрометно, светло, с яркими иллюстрациями и неожиданными поворотами. И – с юмором. Это особенно радует. Слишком серьезно и даже угромо у нас относятся к теме финансов. А деньги – они не терпят мрачности. Именно к финансовым обстоятельствам жизни в полной мере относится старинная поговорка: «Кто смеется – тот спасен».

*Ин Арт,
вице-президент Ассоциации региональных банков
России, член совета Национальной ассоциации
профессиональных коллекторских агентств,
главный редактор портала Finversia.ru, член-
корреспондент Международной академии
менеджмента, к.э.н.*

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках очень интересную книгу. Это самая настоящая сказка – с героями, приключениями и волшебством. Но эта книга еще и о финансовой грамотности. Финансовую грамотность часто считают трудной и скучной. Но на самом деле это не так. Сейчас ты перевернешь страничку и попадешь в волшебную историю. Все герои оказались участниками мира финансов, в котором живешь и ты. Каждый из повел себя по-разному – и ты сам должен понять, кто из них поступил правильно, а кто ошибся. И использовать эти знания в будущем. Мы надеемся, что эта книга поможет тебе подружиться с миром финансов и при этом не утратить веру в сказку.

Мартин Шаффер

*Заместитель председателя правления
ООО «ХОУМ КРЕДИТ энд ФИНАНС БАНК»*

Сказка позволяет объяснить взаимосвязь между экономическими и этическими категориями: труд, товар, деньги, стоимость, цена, кредит с одной стороны, и нравственными – «бережливость, честность, экономность, щедрость» – с другой; научить правильно относиться к рекламе, разбираться с ней. У детей возникает осознание денег и путей их использования; знание, откуда приходят и куда уходят деньги, понимание таких категорий, как риск, сбережения и процентные ставки. Все эти моменты находят отражение в книге «Волшебные приключения в мире финансов». Эта книга выступает эффективным средством формирования у детей младшего и среднего школьного возраста экономической компетентности, первоначальных экономических знаний и умений, развития предпосылок экономического мышления, воспитания личностных качеств, и социокультурной позиции в целом. Эта книга может быть рекомендована для прочтения школьникам среднего и старшего возраста.

Гресс Нахла Матвеевна

Президент Университета управления «Титси»

Заслуженный работник высшей школы РФ

*член-корреспондент Российской Академии гуманитарных наук,
профессор, д.п.н.*

Северный ветер

Амаранте и Василию посвящается

В самом сердце леса, там, где ели такие высокие, что их косматые вершины теряются в облаках, стоит старинный дом. Летом его стены покрываются мхом и диким виноградом, а зимой он утопает в пушистом снегу. Но как ни холодны зимние ночи, внутри всегда тепло и уютно. Жарко горит огонь в большом камине, стены украшены гирляндами красно-зелёного остролиста и омелы. В кухне сладко пахнет имбирными пряниками и пирогами с корицей. Здесь живёт Санта Клаус. Всю весну и лето он проводит в вынужденном отпуске, который очень не любит. Он читает книги из своей большой библиотеки, бесконечно пьёт крепкий чёрный кофе, который ему варит миссис Клаус, и ждёт осени с тем нетерпением, с каким мы ждём летнего отпуска.

Но стоит только подуть первому северному ветру, возвещающему приближение долгожданной зимы, как в доме Клауса закипает работа. Ведь сколько всего необходимо приготовить к Рождеству! Лесные тролли должны припасти рождественских ёлок, эльфы – сделать чудесные ёлочные игрушки, а лепреконы – сшить мешки и носки для подарков. А миссис Клаус при помощи своих маленьких помощников брауни будет печь праздничные кексы и пирожные.

Прохладным сентябрьским утром семья Клауса ожидала в гости друзей. Клаус встал ещё затемно и пребывал в лихорадочном возбуждении. В гостиной было сумрачно, хотя ярко горел камин, а на стенах бледными огоньками мерцали кристаллы фулдженти – куски удивительного минерала, способного светиться в темноте. Наконец на подъездной дорожке зацокали копыта, и раздался приветственный медвежий рёв. Миссис Клаус выглянула в окно.

С единорога спешил светловолосый эльф и сердечно приветствовал здоровенного тролля, восседавшего на свирепом медведе гризли. Единственной упряжью медведю служила крепкая уздечка, украшенная шипами.

– Эрих, здорово! – тролль хлопнул эльфа по плечу, да так, что тот едва не упал. – Давненько не виделись!

– Привет, Гордон, – со сдержанной улыбкой приветствовал его эльф и в свою очередь сжал его ладонь таким крепким рукопожатием, что затрещали кости.

Тролль в долгу не остался, и несколько секунд противники яростно пожирали друг друга взглядами, сжимая руки всё крепче.

– Эй, парни, будет вам! – к противникам подъехал на ослике лепреккон, зябко кутавшийся в ветхий, чиненый плащ.

Он оглушительно чихнул, и эльф с троллем, рассмеявшись, бросили свой шуточный поединок и приветствовали старого друга.

– Да идите уже в дом, мы вас заждались! – миссис Клаус приветственно махала им в открытое окно.

Уговаривать гостей не пришлось – утро выдалось на редкость промозглым, они устали с дороги и мечтали о горячем чае. Когда первые восторги по поводу встречи улеглись, все устроились по своим обычным местам. Тролль уселся в большое деревянное кресло, Эрих расположился за столом с чашкой горячего шоколада, а лепреккон опустил на медвежью шкуру у камина и завернулся в плед.

– Друзья мои! – обратился к гостям взволнованный Клаус. – Наконец мы приступаем к нашей ежегодной работе! Сегодня у меня такое радостное настроение...

– Значит, будет какая-то гадость, – донёсся со шкафа довольный голос Ричарда, старого ворона, чёрного, как уголь.

Ворону уже триста лет, он служил советником ещё отцу и деду Клауса. Ричард необыкновенно умён, лучшего друга и советчика не найти, но вот характер... Ричард был законченным пессимистом. Что бы ни происходило, он всегда предрекал самый ужасный из возможных концов.

– Ну какая может быть гадость в такой волшебный день? – отмахнулся Клаус, у которого сегодня было несокрушимо хорошее настроение.

Ворон фыркнул и перелетел со шкафа на верхушку ели, росшей прямо из пола гостиной. Когда-то на месте этого дома шумел сумрачный ельник, и прадед Клауса, строя дом, оставил для маленьких ёлочек отверстия в полу. Теперь они превратились в громадные густые ели, которые украшали соответственно сезону. Весной на их мохнатых лапах красовались банты из зелёного шёлка, летом – кружки сушёных апельсинов и палочки корицы, осенью – золотые шишки и орехи, ну а зимой ели были наряжены в соответствии с Рождественской традицией.

Клаус посмотрел на тролля в кресле:

– Гордон начнёт рубить рождественские ёлки, Эрих сделает ёлочные игрушки, надеюсь, такие же красивые, как в прошлом году. Кстати, Эрих, ты уже принёс эскизы новых игрушек?

Эльф неторопливо поставил на блюде пустую чашку. По шёлковому шнуру, спускавшемуся вдоль окна, на стол проворно юркнул маленький пушистый брауни, коричневый, как кофейное зерно. Ни один старинный дом не обходится без этих удивительных маленьких помощников. Днём они, как правило, не показываются, зато ночью помогают по хозяйству – моют, убирают, ухаживают за домашними животными. За это хозяйки оставляют для них чашку сливок под столом. Но семейство брауни, которое живёт в доме Санта Клауса, не боится показаться и днём. В честь этих удивительных домовых эльфов даже называли шоколадные пирожные. Брауни унёс чашку из-под шоколада и тут же принёс новую. Оглядел стол, по-птичьему быстро наклоняя голову – не нужно ли гостям чего ещё? И, не найдя для себя работы,

удалился, не забыв прихватить с собой два имбирных печенья, которые тут же сунул в карман бархатных штанов.

– Видишь ли, Клаус, – эльф немного замялся. – К сожалению, в этом году игрушек не будет.

В первую секунду Клаус решил, что ослышался.

– Дело в том, – тихо, но твёрдо продолжал эльф, – что ещё когда твой отец начал заказывать нам игрушки в кредит...

– Во что заказывать? – удивлённо переспросил Клаус.

– Не во что, а как, – хрипло рассмеялся ворон. – В кредит. Кредит – это деньги, которые тебе банк даёт на время, а их надо вернуть. И ещё проценты заплатить, за то, что ты этими деньгами пользовался. Вот, к примеру, взял ты в банке у гномов кредит на год в размере ста золотых под пятнадцать процентов годовых. Это значит, что ты должен будешь через год вернуть не только сто золотых, но ещё пятнадцать заплатить, за то, что гномы тебя выручили.

– То есть в итоге всё, купленное в кредит, дороже обойдётся? – спросил Клаус, задумчиво поглядывая на изящные туфли миссис Клаус, украшенные кокетливыми бархатными бантиками. Уже довольно поношенные. А ведь его жена такая красавица! Он с нежностью посмотрел на Молли. Тоненькая, стройная, глаза цвета летнего неба... Однако, что там ворон про кредит бормочет? Клаус с трудом вернулся к реальности.

– Конечно. Ты ведь заплатишь стоимость и сверху ещё процентную ставку, так правильно называют проценты по кредиту.

– Дорогой, не нужно так огорчаться, – вмешалась миссис Клаус. – Смотри – из-за тебя в комнате снег пошёл.

И в самом деле, с потолка сыпался пушистый мягкий снег. Тарелка с имбирным печеньем сделалась похожа на заснеженный горный пик, белоснежной шапкой украсилась макушка тролля. На стол высыпало целое семейство брауни, вооружённых крошечными лопатами. Недовольно пища, они принялись убирать снежные островки. Клаус встрепенулся, слегка взмахнул рукой, и снегопад тут же прекратился.

– Так что же это получается, – тихо спросил Клаус у эльфа, – я тебе за игрушки денег должен? И сколько?

– А кто его знает! – пожал плечами эльф, потянувшись к кувшинчику с горячим шоколадом. – Наши с тобой отцы были, конечно, очень мудрыми, но немного неграмотными. В юридическом смысле. Про игрушки договорились, а вот договор не заключили.

– Какой такой договор? – пробасил из кресла тролль.

Очевидно, беседа его заинтересовала. Тролль так увлёкся, что вместо принесенного из дома сэндвича с сушёными бабочками начал жевать тарелку и совершенно этого не заметил. Все посмотрели на Ричарда, который важно прочистил клюв, откашлялся и пояснил:

– Договор – это такой документ, в который заносятся обязательства сторон, то есть участников договора.

– Обязательства – это что? Я обязан кому-то, что ль? – поморщился тролль.

– В целом – да, – ухмыльнулся ворон. – Ну, например, твой уважаемый папа, Эрих, согласно этому договору обещал сделать пару мешков игрушек. А твой уважаемый папа, Клаус, по этому договору обещал за них заплатить. В договоре описывается всё – сколько игрушка стоит, – с этими словами Ричард ловко оторвал от гирлянды, украшавшей стену, золотой стеклянный колокольчик, – сколько этих игрушек нужно, – он подбросил колокольчик когтистой лапой, – и что случится, если...

Жонглировать лапами вообще неудобно, а в особенности это затруднительно, если на одной из этих лап приходится стоять. Когти скрипнули по стеклянному боку, расцвеченному бисерным узором, но поймать колокольчик ворону не удалось.

– ... если что-то пойдёт не так, – виновато пробормотал Ричард, поглядывая на осколки, которыми был теперь усыпан вымощенный каменными плитами пол.

Пока миссис Клаус убирала осколки, эльф захотел ещё горячего шоколада и попросил брауни наполнить кувшинчик. Троль, пока никто не видел, стащил с комода букетик сушеной лаванды и быстро засунул в рот.

– В итоге наша семья уже много лет работает бесплатно. Больше это продолжаться не может. Тем более, что у нас закончились материалы – стекло, краски и остальное, – подытожил эльф.

– А как же бедные дети? – попытался воззвать к его совести обескураженный Клаус. – Они будут очень огорчены, если останутся без подарков!

– У меня тоже есть дети. А я не могу им купить подарок, потому, что работаю бесплатно, – отрезал эльф.

Он отвернулся и уставился в окно, за которым с тихим шорохом падали осенние листья. В доме воцарилась тишина, даже сверчок, живший за каминной полкой, испуганно притих. Только было слышно, как завывает в трубе холодный ветер да сопит в кресле троль. Глаза у него скосились к носу, рот приоткрылся – верный признак того, что Гордон глубоко задумался. Случалось это с ним нечасто, а потому требовало усилий и напряжения.

– Фред, тебе испечь брауни с шоколадом? – попыталась разрядить обстановку Молли.

Раздался вопль, полный ужаса. Маленький коричневый брауни уронил метёлку из перьев синицы, которой чистил от пыли вазу для цветов, и задрожал от страха.

– Да я пирожное имела в виду, а не тебя, глупыш, – Молли, смеясь, взяла брауни на руки и успокаивающе погладила по пушистой голове.

– И кто ж придумал назвать пирожное в честь домовых эльфов? – ухмыльнулся Гордон.

– Да ведь есть традиция, в ночь на 9 февраля, когда у этих милых малышек праздник, под стол ставят угощение – чашечку сливок и кекс с шоколадом. Вот эти кексы, которыми угощают брауни в награду за верную службу, в честь них и назвали, – Клаус удивлённо посмотрел на тролля. – Традиции этой не меньше тысячи лет, и она по сей день жива во всех странах Европы.

– Что за Европа? – заинтересовался троль. – Далеко эта страна?

Молли метнула на мужа убийственный взгляд. Ну вот только исторических и географических лекций сейчас не хватало. Что поделать – силы и мощи Гордону не занимать, но с образованием у него есть некоторые проблемы. Сейчас попросит всё объяснить, а это никакие нервы не выдержат. Клаус, очевидно, осознал свой промах и попытался закрыть тему:

– Далеко, Гордон. Но сейчас не в этом дело...

– За Северными горами? – у Гордона явно сложилось впечатление, что за перевалом гор, видимых из окна, и мир заканчивается.

– За Северными горами. Слушай, Гордон, да разве у тебя самого брауни нет?

– У него брауни точно нет, я свидетель, – встрял в разговор лепреккон.

– Откуда ты знаешь?

– Да я у него дома был, – в глазах Фреда заплясали весёлые огоньки, – там такой кавардак, и уборку не делали лет этак триста. Если бы туда и попал по несчастливой случайности брауни, его бы удар хватил от ужаса. Они грязи не любят.

Троль возмутился.

– И вовсе не триста! При моём дедушке уборку однажды делали! Дедуля потерял свой любимый тесак, так весь дом перевернули, я помню, мне уже шесть лет было!

Раздался придушенный писк, и только пришедший в себя брауни упал в обморок.

– Ах, бедный мой! – Молли поспешно налила воды в крохотную чашечку и поднесла к губам брауни. – Фред, стыдись! – она нахмурила светлые брови. – Разве можно такие вещи говорить! Это жестоко.

Лепрекон только улыбнулся. Но потом помрачнел.

– Я, собственно, о том же хотел, – раздался его резкий, скрипучий голос. – Чтобы сшить мешочки и носки для подарков, знаете, сколько нужно бархатной ткани, шёлковых ленточек, стеклянных бусин? Да хорошего качества, я же не какой-нибудь разбойник – троль.

– Это почему это я разбойник?! – Гордон побагровел от возмущения, отчего его лицо приятного зелёного оттенка стало бурым.

Он так рассердился, что в гневе стукнул кулаком по столу. Стол подпрыгнул, кувшинчик с шоколадом опрокинулся прямо на белоснежные манжеты эльфа.

– Потому, что ты рождественские ёлки можешь бесплатно в лесу рубить, – охотно пояснил лепрекон, поплотнее закутываясь в плед, – а я ткань и украшения покупать должен.

– Уже не могу, – вздохнул троль.

Он виновато покосился на разгневанного эльфа, который безуспешно пытался стереть с рубашки шоколад. Желая загладить вину, Гордон извлёк из кармана громадный и не первой свежести носовой платок и протянул эльфу. Эрих пришёл в ужас, от платка отказался

и утешился только тогда, когда миссис Клаус привела его рубашку в порядок с помощью воды и лимонного сока.

– Леший больше ёлки рубить не даёт, – развёл руками тролль. – Говорит, что это называется браконьерство – когда в лесу что-то портишь бесплатно и без спросу. Предлагает открыть лесное хозяйство. Он сам будет специально сажать и выращивать ёлки. И нам их продавать. Хочет деньги зарабатывать.

– Да на что лешему деньги? – поразился Клаус.

– У него мечта есть, – охотно пояснил тролль. – Называется ноутбук. Он у туристов видел. Такая штука, похожа на железную книжку. Можно музыку слушать и смотреть эти... как их... Во, фильмы! Хочет себе такой купить. Вот у него мысль про лесное хозяйство и пришла.

– Ноутбук... – задумчиво пробормотал Клаус, – знакомое слово. Я же письма от детей ежегодно получаю, и там в пожеланиях насчёт подарков этот загадочный ноутбук на третьем месте после какого-то «айфона» и не менее загадочной «приставки». К чему её приставлять, эту приставку? Впрочем, это лучше у Люси спросить.

Он подошёл к массивному бронзовому сундучку, стоявшему на комод. Сундучок этот был снабжён большим количеством ящичков и створок, а наверху была скульптура – два дерущихся кабана. Клаус пощекотал одного кабана, тот захихикал, и створки на передней стенке открылись с певучим звоном. Обычно в таких сундучках хранят женскую косметику и украшения, но, когда маленькие дверцы распахнулись, внутри стало видно уютную комнату и в центре маленький бархатный диванчик, набитый воробьиным пухом. Спавшая на этом диванчике ночная фея сладко потянулась и расправила примявшиеся крылья.

– Мистер Клаус, что случилось? День ведь ещё, – она зевнула и потёрла кулачками глаза.

Люси уже пятый год работала личным секретарём у Клауса, и он на неё нарадоваться не мог. Она читала письма, подбирала подарки, вела картотеку, где на каждого ребёнка была своя страница, куда записывалось: как он вёл себя в этом году, что хорошего сделал и что плохого. Единственной проблемой было то, что её рабочий день начинался ночью, днём же она отдыхала, как и положено ночным эльфам. И потому общаться со своим секретарём Клаусу было довольно неудобно.

– Люси, расскажи про ноутбук. Что это такое?

– Понятия не имею, – фея пожалала острыми плечиками. – Поэтому поступаю, как вы велели, когда непонятно, чего ребёнок хочет.

– А как я велел? – поинтересовался озадаченный Клаус.

– Если непонятно – дарим медведя. Плюшевого. Мистер Клаус считает, – Люси повернулась к ворону, который почему-то разразился громким смехом, – что плюшевый медведь Тедди – это самый желанный подарок для любого ребёнка, – она с ласковой улыбкой взглянула на любимую картину миссис Клаус. На ней была изображена кукла, сидевшая на коленях плюшевого медвежонка Тедди, на фоне рождественской ёлки и камина Клаусов.

– ... и очень ошибается, – шепнул эльф Гордону, пряча улыбку.

Будучи отцом двоих дочерей, Эрих хорошо знал, что вовсе не плюшевые медведи являются предметом желаний современного ребёнка.

– Как всё сложно! – вздохнула миссис Клаус, открывая большую банку, где хранила сушёные вишни. Там оказалось пусто, и она стала искать на другой полке.

– Можно проще, – встрял в разговор Ричард. Инцидент с колокольчиком он посчитал забытым и теперь снова преисполнился важности. – Можно у лешего просто взять часть леса в аренду. Будем платить лешему за то, что пользуемся его лесом, скажем, год или два. И пока мы арендовали лес, мы можем там рубить ёлки.

– Значит, – уточнил Клаус, – в этом году ни ёлок, ни игрушек, ни мешочков?

– Похоже, и кексов тоже не будет, – добавила Молли.

Она продемонстрировала две пустые глиняные банки, где раньше хранилась корица и гвоздика.

– Всё кончилось, – растерянно пробормотала она.

– Нужны деньги на ткань, – пожал плечами лепрекон. – Иначе уйду к ним.

Он достал из своего дорожного мешка сложенный вчетверо лист бумаги и разложил его на столе. Все подошли поближе. На щедро украшенном зубастыми тыквами и привидениями плакате было написано:

«Внимание! Компания „Хеллоуин и Джек – Тыквенная голова“ приглашает вас на работу! Хотите быстрый карьерный рост, высокую зарплату и весёлый коллектив? Тогда идите к нам! Открыты вакансии дизайнера ужасных подарков, резчика омерзительных тыкв, водителя устрашающей повозки, конюха безголовых лошадей, портного для привидений и мойщика болотных слизняков».

– У меня два вопроса. Что такое омерзительные тыквы и что такое вакансия? – шёпотом спросила миссис Клаус.

– Тыквы такие, страшенькие, со свечками внутри. Им глазки и улыбки с клыками вырезают. Получается фонарь, а то, что вырезали, идёт на пирог, – лепрекон мечтательно улыбнулся. – Ах, какие моя бабушка делала пироги из хеллоуинских тыкв!

– А вакансия?

– Свободное рабочее место, на которое ищут работника, – пояснил эльф, внимательно читавший объявление. Губы его дрогнули в улыбке. – Можем все устроиться. Я буду клыки на тыквах вырезать и придумывать ужасные подарки, Фред, – тут он кивком головы указал на лепрекона, – шить нарядные платья привидениям, Гордон будет выносить навоз безголовых лошадей, ну а мистер Клаус...

Тут все как по команде уставились на последнюю вакансию – мойщика болотных слизняков.

– А слизняки эти зачем? И почему я должен их мыть? – жалобно спросил Клаус.

Но ответить ему новоявленная команда соискателей не успела. Миссис Клаус охнула и прижала пальчики к губам. Она с таким ужасом уставилась на комод, что даже бессердечный Ричард перестал улыбаться.

– Моя лаванда! – вскричала миссис Клаус. – Здесь, на комодке стоял букетик, который я привезла из Парижа!

Троль поспешно отряхнул с кожаного жилета хрупкие сиреневые лепестки и попытался непринуждённо улыбнуться. Это было его стратегической ошибкой. Между острых белоснежных клыков торчал тонкий стебелёк лаванды, и незамеченным это не осталось. Миссис Клаус немедленно обрушила на него весь свой праведный гнев.

– Гордон, как ты мог! Это была единственная память о свадебном отпуске! Мы с Клаусом только поженились...

– Неужели единственная память? – странным голосом спросил Клаус, вычерчивая пальцем узоры по деревянной столешнице.

Миссис Клаус поставила на место тяжёлую медную сковородку, которую схватила в минуту душевного волнения, и принялась считать, загибая пальцы:

– Духи, которые ты мне там купил, кончились, свадебное платье мне теперь узковато, хрустальные бокалы разбились на прошлое Рождество, когда приезжали твои родственники из Норвегии. Они даже утром пьют... не чай.

Клаус побагровел, возмущённо взглянул на портрет дедушки, безмятежно взиравшего на всеми обиженного внука из своей резной рамы. Эрих попытался немного разрядить обстановку, примирительно заметив:

– Ну, по крайней мере все возможные на сегодня неприятности уже произошли.

– Ещё не вечер, – плотоядно улыбнулся ворон, взглянув на циферблат напольных часов дубового дерева.

Словно в ответ на его слова мелодично и нежно пропел дверной колокольчик. На пороге стоял мрачный гоблин, одетый в унылый серый костюм. В руках он держал пергаментный свиток, как в последствии оказалось, очень длинный.

– Мистер Санта Клаус? Я судебный пристав – исполнитель.

– Кто-кто?

– Я должностное лицо, осуществляющее принудительное исполнение решений суда, – начал гоблин, важно откашлявшись.

– Ничего не понимаю, – простонал Клаус. – Можете попроще объяснить?

– Могу, – помрачнел гоблин, который и прежде выглядел не слишком радостным. – У вашего отца, мистер Клаус, есть долг перед «Первым торгово-сберегательным банком». Поскольку Вы являетесь единственным наследником своего отца, то в счёт погашения этого долга суд постановил обратить взыскание на принадлежащее Вам ценное имущество, а именно...

Гоблин развернул свой пергамент, оказавшийся настолько внушительным, что конец его с шорохом упал на входной коврик с надписью: «Welcome».

– ... а именно «сани лётно-ездовые» одна штука.

– Что значит «обратить взыскание»? – нахмурился тролль и сжал огромные кулаки.

– Это значит, что служба судебных приставов на основании решения суда забирает Ваши сани, чтобы погасить долг Вашего отца, – радостно объяснил гоблин.

– Я вообще не знал, что у папы были долги перед банком! – взревел Клаус. – И почему я должен что-то «гасить», если я ничего не зажигал?

– Так Вы же получили папин бизнес после его смерти, – расплылся в пренебрежительной улыбке судебный пристав – исполнитель, – значит, унаследовали и его долги. Где у вас тут эти сани?

Клаус, словно ища поддержки, оглянулся на отцовский портрет, висевший справа от камина. Отец был изображён в рабочей одежде – отороченный белым мехом тулуп, знаменитая красная шапка, окладистая борода до пояса, в руке вересковая трубка. Трубку эту Клаус хранил и держал на специальной подставке, хотя сам никогда не курил, зная, как вредно это для здоровья. Папина борода так же впечатляла, но последовать этому примеру желания не возникало. Очень уж неудобно, да и не современно как-то. И Молли была решительно против такого украшения на лице мужа. На работу Клаусу в итоге приходилось одевать накладную бороду.

– Какой ещё бизнес!?

Гоблин снова уткнулся в пергамент, после чего авторитетно сообщил:

– Развоз ёлок рождественских, подарков, содержащих кексы шоколадные, игрушки текстильные, игрушки папье-маше...

– Всё, я понял! – прервал этот, по-видимому, очень длинный список Клаус. – Только вот какой же это бизнес? Бизнес – это когда ты деньги зарабатываешь, а я за подарки денег не беру!

– И очень зря, – донёсся издали голос гоблина, уже открывавшего двери сарая, в котором хранились сани. – Если не начнёте зарабатывать, скоро вылетите в трубу!

– Я что, ведьма по-вашему? – окончательно рассвирепел Клаус.

– Это образное выражение, – ухмыльнулся гоблин, который уже впрягал в красивые, обитые серебром сани невесть откуда взявшихся бурых кабанчиков, покрытых колючей шерстью и очень злых. – Это значит, что скоро вы потеряете всё, включая дом. Всего хорошего и до скорой встречи!

Он щёлкнул кнутом, кабанчики взвизгнули и резво помчались по усыпанной листьями подъездной дорожке.

– Ну и что мне теперь делать? – растерянно спросил Клаус у собравшихся.

– Ну, у тебя два пути, – ворон перелетел с камина на дверцу буфета, отчего та жалобно скрипнула. – Первый вариант плохой, а второй...

– Да? – с надеждой спросил Клаус.

– А второй ещё хуже. Тебе придётся идти в банк к гномам и брать кредит. Конечно, погашать один кредит другим совсем не лучшая идея, но у тебя выхода-то нет.

– Но ты же сказал, есть ещё вариант? – Клаус нервно ходил по комнате.

– Ну да. Работа по найму. Вон, какая чудесная вакансия открыта, – и бессовестный ворон указал на хеллоуинское рекламное объявление.

Клаус вскочил на ноги, снял домашний халат и начал повязывать галстук.

– Молли, дорогая, где моё осеннее пальто?

– Куда ты? – поразилась миссис Клаус.

– В банк. Кредит брать.

Осторожно, так чтобы он не заметил, Молли достала из шкатулки сонную фею и положила в карман пальто. Не то чтобы она слишком беспокоилась, но Люси присмотрит за боссом и не даст попасть в беду.

– Клаус, милый... – проворковала Молли, подавая мужу пальто, – а если я напишу тебе письмо? Ну, с пожеланиями, чего бы я хотела в подарок на Рождество... Например, ноутбук... Музыка... Париж... Ты помнишь наши прогулки вдоль Сены? Так вот, письмо. Ты рассмотришь его в индивидуальном порядке?

– Нет! – рявкнул Клаус. – Не до писем! Бизнесом придётся заниматься.

И вышел, хлопнув дверью.

Фиалковый мармелад

В расстроенных чувствах Клаус зашёл за санями в сарай, вспомнил, что саней больше нет. Расстроился ещё больше. Что ж, придётся ехать верхом. Он заглянул в домик, где жили олени. Там было тепло, приятно пахло сеном и сухими цветами. Все олени спали, сопя во сне бархатными носами, кроме одного. Рудольф, который негласно считался среди оленей главным, лежал, развалившись на перине из сушёных незабудок. На хозяина взглянул без энтузиазма. Брауни только пять минут назад принесли ему поднос, на котором стояла громадная чашка с какао, такая широкая, что туда легко вмещалась пушистая оленья морда, и фиалковый мармелад, который Рудольф обожал. Сейчас насладиться бы обедом в тишине и покое, подумать о новых серебряных подковах, которые он собирался выпросить у хозяина в подарок к Рождеству. Неплохо бы и колокольчики для рогов добавить. Носить колокольчики на сбруе уже давно не модно, каменный век. А вот на рогах... Но, похоже, сейчас запрягут и куда-то потащат.

– Привет, – Клаус погладил оленя по мягкой мохнатой шее. – Нет-нет, остальных не буди, мы едем с тобой вдвоём.

– Сани? – коротко напомнил Рудольф. – Один!?

Говорить он умел, но не очень любил. Серьёзный олень должен быть суров и молчалив.

– Нет у нас больше саней, – вздохнул Клаус. – Судебный пристав – исполнитель конфисковал. Конфискация – это когда у тебя что-то ценное забирают в пользу государства, – пояснил он, увидев непонимание в больших синих глазах Рудольфа.

– Плохо, – подвёл итог Рудольф, с тоской глядя на какао, которое, конечно, выпить теперь не дадут.

Он был совершенно прав. Взгляд Клауса упал на поднос.

– Ты опять пить начал? – возмутился Клаус, глядя на чашку, которая была размером с хорошее ведро для угля. – Какао! Там же куча сахара и калорий!

– Куча чего?

– Калорий. Это единицы энергии, которые содержатся в любой еде. Но если их слишком много, они делают человека... То есть, я хотел сказать оленя, очень толстым. Ты хоть встать-то можешь, сладкоежка?

Рудольфа и самого интересовал этот вопрос. С трудом, кряхтя и отдуваясь, он поднялся со своего душистого ложа. Ноги тряслись и подгибались, между ними свисало солидное белое брюшко.

– Лето. Отпуск, – виновато пояснил Рудольф.

Клаус со стоном закрыл лицо рукой. Поддерживая оленя под мохнатый бок, он спустился по пологому спуску в подвал. Отсюда вёл тоннель, даже летом покрытый зеленоватым льдом. Как весело было вылетать через этот тоннель на санях, под звон серебряных колокольчиков! Клаус ловко забрался оленю на спину, и тот, неуверенно переступая копытами, поплёлся к краю тоннеля. Здесь начинался обрыв, что было весьма удобно для взлёта.

– Хозяин. Не смогу. Помогите, – Рудольф жалобно взглянул на Клауса.

– Нельзя мне силу использовать, Руди! Ну пойми, сентябрь на дворе, а тут мы с морозной выюгой. Нехорошо. Метеорологов напугаем.

– Мете...?!

– Это такие люди, предсказатели погоды.

– Шаманы? Бубен?

– Да-да, что-то в этом роде. Давай уже! – Клаус вздохнул. – И судя по тому, как часто они ошибаются, они пользуются таким же оборудованием, как и шаманы.

Олень вздохнул, оттолкнулся мощными копытами от ледяной дорожки, прыгнул и... Нет, увы, не взлетел, а рухнул вместе со своим седоком. Клаус вцепился в его шею, всё ещё лелея

надежду, что не в меру разжиревший олень всё же пересилит себя, и это кошмарное падение превратится в привычный, нормальный полёт. Но чем быстрее приближалась земля, тем быстрее испарялась эта надежда.

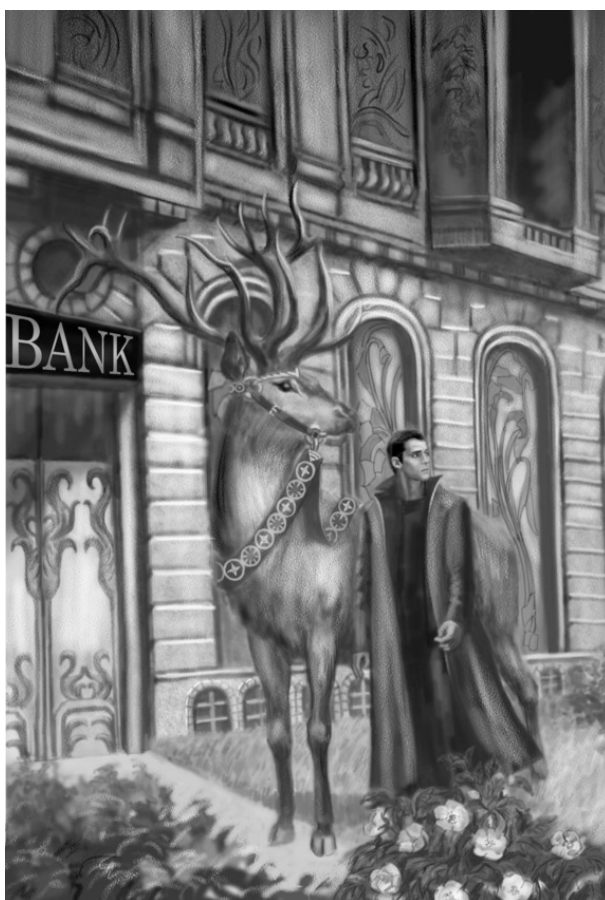
– Падаем, – флегматично заметил Рудольф, перекрывая свист ветра в ушах.

Кроны деревьев внизу приближались с устрашающей скоростью, и Клаус сдался. Быстро оглянулся по сторонам и едва заметно щёлкнул пальцами. И тут же их подхватил серебряный морозный вихрь. Копыта оленя уверенно зазвенели по едва заметной искрящейся ленте из сухого льда, воздух посвежел и сгустился вокруг них дрожащим туманом.

– Лучше, – одобрил Рудольф и помчался мощным галопом, так что Клаусу пришлось покрепче ухватиться за густой коричневый мех.

Лес нырнул вниз, и они понеслись по холодному осеннему небу туда, где среди алых и золотых крон деревьев возвышалась башня из голубоватого камня. Это был офис Коммерческого банка «Джаспер» – одного из самых современных банков гномов, а главное —не слишком далеко от дома.

Перед зданием банка была аккуратная, вымощенная разноцветными камешками площадка. В три ряда на ней были установлены гранитные столбики с потемневшими медными кольцами. На фонаре прибита деревянная табличка с загадочной надписью: «Парковка платная. Один час – один серебряный». Пока Клаус с Рудольфом ломали головы – что бы это могло значить, к ним подбежала толстенькая лесная фея, одетая в кокетливую, расшитую золотом курточку. Летать она не могла – поверх сложенных крыльев был надет туго набитый рюкзак.

– Оплачиваем паркинг! – неожиданно громким для своего миниатюрного роста голосом крикнула она.

– Что оплачиваем? – поразился Клаус.

– Паркинг. Ну, парковку, – она сбросила со спины рюкзак, там что-то грохнуло и зазвенело. – Гм. Ну, вы платите одну серебряную монету в час за то, что ваш козёл тут будет стоять под моей охраной.

– Кто козёл?! Я олень! – взревел оскорблённый до глубины души Рудольф.

– Я в этом не разбираюсь, – отмахнулась фея. – Ещё за четыре серебряных заправлю вашего козла прекрасным овсом.

– ОЛЕНЯ. И не надо мне вашего овса, я худею, – Рудольф так разозлился, что стал необычно разговорчив.

– Всюду деньги, – вздохнул Клаус.

– Вот если бы какао... – гнев на морде Рудольфа сменился мечтательным выражением, но Клаус демонстративно повернулся к нему спиной.

Он расплатился с толстенькой феей и не без внутренней робости взглянул на устрашающего вида надпись, тянувшуюся длинной каменной лентой над огромными двустворчатыми дверями «Банк «Джаспер»».

Он вошёл в здание, так и не успев заметить, что из кустов барбариса за ним внимательно следили чьи-то жёлтые, как лимон, и очень злые глаза.

Скверный день рождения

А в это время в верхних этажах банковской башни проходил шумный праздник. Отмечали день рождения Эдварда – единственного сына и наследника президента банка. На праздник собрались все многочисленные родственники и очень немногочисленные друзья. Гномы – народ общительный и ценящий семейные традиции, а потому на день рождения собралось такое количество всевозможных дядюшек и тётушек, что бедный именинник перестал даже пытаться вспомнить их имена. Не было на празднике только отца юного Эдварда. Мистер Джаспер по своему обыкновению был очень занят и работал. Впрочем, когда свечи погасли и начали резать исполинский торт, выполненный в виде сундука с золотом, банкир всё же пришёл.

– Заинька, ну что же ты так поздно, – начала ласково корить его жена.

– Работал, – кратко ответил мистер Джаспер.

Назвать зайчиком лысого, немолодого и обладавшего длинным крючковатым носом банкира мог только человек с большой художественной фантазией. Ну или человек любящий. Миссис Джаспер обладала и тем, и другим даром.

– Покушай тортик, котик, – щебетала миссис Джаспер умильным голосом, а потом встревоженно прошептала мужу на ухо. – Подарок не забыл?!

– Ах да, подарок! – мистер Джаспер полез в свой объёмистый портфель из красной драконьей кожи, с которым не расставался даже в спальне.

Рылся он там довольно долго, даже извлёк по ошибке туго набитый деньгами кошелек. Тут же поспешно его спрятал – чего доброго решат, что это и есть подарок. Наконец вынул и торжественно вручил сыну коробку, обернутую золотой бумагой и украшенную атласным бантом. Эдвард с внутренним трепетом порвал её, заметив, как отец поморщился. Очевидно, надеялся использовать её ещё раз. Внутри красивой коробки оказались старые деревянные счёты. Краска на костяшках была облуплена, железные стержни погнуты, рамка источена жуком.

– Это, – с гордостью начал мистер Джаспер, старательно не замечая разочарования на лице сына, – наша фамильная реликвия! И теперь она по праву твоя. Уже можешь начинать благодарить, сынок.

– Ну и что мне с ними делать? – уныло протянул Эдвард. – Существуют калькуляторы, папа, и уже давно. А я хотел планшет!

Мистер Джаспер побагровел, глаза скосились к носу ещё больше обычного.

– Этими счётами, молодой человек, твой пра-пра-пра-пра-прадедушка заработал свой первый золотой! И он разбогател, и основал наш семейный банк безо всяких там калькуляторов и компьютеров. Так что тебе есть чему у него поучиться! Вот в стародавние времена...

– В стародавние времена и туалетной бумаги не было, – отмахнулся прагматичный Эдвард, – но, к счастью, с тех пор наука шагнула далеко вперёд, за что ей большое спасибо.

Назревал маленький семейный конфликт, но мистер Джаспер, как любой человек, связанный с финансами, умел брать себя в руки.

– Ну, не важно, сынок. Главное, ты теперь совершеннолетний...

– Папа, мне сегодня только одиннадцать исполнилось!

– Да, правда? Ну, не важно, главное, ты уже вполне способен помогать мне в работе по банку, так что пошли, хватит бездельничать.

Бедняга Эдвард как раз открыл рот, чтобы положить туда первый кусочек торта, но отцовская рука крепко ухватила его за шиворот и потащила из-за стола.

– Котик, дай Эдди хоть тортика покушать, праздник же! Ребёнок голодный! – взмолилась миссис Джаспер.

Безуспешно.

– Вот и празднуйте, а нам некогда, – недружелюбно буркнул мистер Джаспер, который и так провёл бессонную ночь, подсчитывая, сколько денег пришлось выбросить на этот день рождения.

– Идём, Эдвард. И не забудь эту рухлядь... Гм, я хотел сказать – твой великолепный подарок на день рождения, – кивнул мистер Джаспер на старые счёты.

По винтовой каменной лестнице отец и сын спустились из жилой части башни в большое помещение, отделанное чёрным мрамором. Вдоль всего зала тянулась длинная стойка, сверху закрытая прозрачным стеклом из речного песка, и за этой стойкой стояла миловидная девушка-гном. Она что-то объясняла, показывая мелко исписанный лист бумаги мрачному, сомнительного вида троллю, державшему на плече громадный кожаный мешок. Тролль на бумагу смотрел недоверчиво, чесал затылок и громко сопел.

– Это – приёмное отделение банка, – начал вполголоса объяснять сыну мистер Джаспер. – Здесь мы работаем с клиентами.

– А кто такой клиент? – поинтересовался Эдвард.

– Он, – лаконично ткнул пальцем в тролля, – клиенты приходят к нам в банк, чтобы положить деньги, или, напротив, взять кредит. Всё это проходит в определённые часы.

– А что такое кредит?

– Это когда клиенты берут наши деньги в долг, на время. А потом возвращают нам с процентами, – от удовольствия мистер Джаспер даже глаза закрыл.

– Понятно, – Эдвард потихоньку, так, чтобы отец не заметил, положил счёты на странный ящик, стоявший у стены. Его крышка была сделана в виде головы зелёной, пупырчатой жабы. – А зачем в банк кладут деньги? Ой!

Крышка ящика вдруг ожила: жаба приоткрыла рот, высунула длинный розовый язык и, схватив легендарные прадедушкины счёты, ловко проглотила их.

– В банк кладут деньги, чтобы их сохранить, – охотно объяснял мистер Джаспер, не заметивший гибели фамильной реликвии. – Если хранить деньги дома, их ведь могут украсть, а у нас в подzemелье, в хранилище есть великолепный сейф, очень прочный. Его даже зубные феи не могут прогрызть – мы проверяли.

Тролль наконец решился. Шумно вздохнув, он сбросил мешок на пол, отчего стёкла в окнах зазвенели, и принялся его развязывать. Внутри оказалась целая груда золотых монет. Гномочка покинула своё место за стойкой, подошла к троллю и принялась что-то писать в маленький чёрный блокнот.

– А что это она делает? – громко спросил Эдвард, пытаясь заглушить чавканье жабы, с аппетитом доедавшей счёты.

– Считает сумму вклада, опись составляет, – кивнул мистер Джаспер, радовавшийся любознательности сына.

– Нет-нет, – донёсся до них голос гномочки, – мы не принимаем вещи на хранение.

Тролль озадаченно вертел в руках старенького плюшевого медвежонка. Одно ухо у него было оторвано, и вообще, у медведя был такой вид, как будто он побывал в серьёзной перепалке.

– Но я люблю его, – возразил тролль, удивлённо глядя на сотрудника банка маленькими, глубоко посаженными глазками, – он самый ценный! Я с ним спал всю жизнь. Кладёшь рядом на подушку и не страшно.

– Понимаю, – хихикнула гномочка, с состраданием косясь на новенькое обручальное кольцо тролля, – но предметом ценности является то, что ценно для всех, понимаете? Например – золото. Оно везде дорого стоит, и его ценят решительно все. А медвежонок ценен только для вас.

– Да, моя жена его почему-то невзлюбила, – огорчённо вздохнул тролль, опустив голову. – Мы поженились на прошлой неделе, ну, и она против, чтобы мой Тедди спал вместе с нами. Вот я и подумал – отнесу его в банк, чтобы надёжно сохранить, пока жена не передумает.

– Тогда вы можете за небольшую плату арендовать ячейку в нашем сейфе и хранить там все, что пожелаете, например этого чудесного мишку, – подсказала решение находчивая сотрудница банка.

– Ну что ж, пойдём? – улыбнулся мистер Джаспер, поворачиваясь к сыну. – Эдвард! А где пра-пра-прадедушкины счёты?

– А-а-а-а... Клиенты платят банку за то, что он хранит их деньги? – поспешно задал вопрос Эдвард, отчаянно надеясь, что отца это отвлечёт от опасной темы.

Трюк удался. Мистер Джаспер важно поправил галстук и принялся рассказывать.

– Нет, напротив, это банк платит вкладчику (так называется человек, положивший в банк деньги), так вот, банк платит проценты за то, что он пользуется деньгами, пока они в нём хранятся.

– А я думал, что ты просто деньги в сундуках хранишь и всё. А как банк деньгами пользуется?

– Ну, например, даёт кредиты. Кстати, ты видел, какие мы на днях поставили автоматические урны? Из них мусор выбрасывать не нужно, – мистер Джаспер погладил по голове жабу, уже проглотившую останки знаменитых счётов. Жаба умильно закрыла глаза и сыто зевнула.

– А покажешь хранилище? – попросил Эдвард, который уже заскучал в приёмном отделении.

Они прошли за стойку, где гномочка подробно объясняла увлечшемуся троллю условия договора и показывала, где подписать бумаги. Его мешок безуспешно пытались сдвинуть с места три дюжих гнома, а тролль в недоумении уставился на чернильницу и длинное фазанье перо. Очевидно, и договор, и письменные принадлежности он видел не часто, оттого сильно нервничал и всё крепче прижимал к груди плюшевого медвежонка.

За стойкой обнаружилась неприметная дверь, за которой начался крутой спуск в подzemелье. Мистер Джаспер прихватил бронзовый фонарь, в котором (к удивлению Эдварда) свечи не оказалось, зато сидела, грустно опустив слюдяные крылышки, крохотная фея-светлячок. Винтовая каменная лестница привела Джасперов на маленькую квадратную площадку, всю поверхность которой занимала жуткая дверь. Дверной ручки или замка на ней Эдвард не обнаружил, зато по центру была громадная голова чудовища, хищно оскалившего длинные клыки. Остальное пространство занимали чудовища поменьше, у Эдварда даже глаза разбежались. Вот крылатый змей повернул на пришедших голову, вот громадные крысы сверкают в полумраке красными, налитыми злобой глазами, а сверху раскинул чёрные крылья нетопырь.

– Это просто дизайн, сынок, – будничным тоном заметил мистер Джаспер. – Никогда им не пренебрегай. Искусство дизайнера способно самую обычную вещь превратить в полезную и функциональную. Знаешь, сколько воришек пикси и фей наша славная уборщица мисс Глуми выметает отсюда по утрам? Глупышки падают в обморок от страха, даже не попробовав пожевать нашу замечательную дверь. Где же она... А, вот.

Он извлёк из жилетного кармана пластмассовый прямоугольник и вставил его в узкую щель на голове чудовища. Внутри двери что-то щёлкнуло, и она медленно отворилась.

– Магия! – ахнул Эдвард.

– Какая ещё магия?! – скривился мистер Джаспер. – Я что, по-твоему, какой-нибудь полоумный колдун, безграмотная фея или дефективная ведьма? Я, конечно, не вас имел в виду, – поспешно добавил он, столкнувшись нос к носу с уборщицей мисс Глуми.

Ведьма хмыкнула, облила банкира взглядом, полным презрения, и продолжила уборку – плеснула прямо под ноги мистеру Джасперу полведра воды и подпихнула растрёпанную метлу. Та вздрогнула, словно очнувшись, и принялась лениво размазывать воду по полу. Чистоты

от этого, разумеется, не прибавилось, зато в воздухе разлился запах, который Эдвард про себя назвал «Болото весной». Причудливая смесь ароматов пыли, сырости, влажной земли и ночных цветов.

– Это называется – пластиковая карта, Эдвард, – объяснил мистер Джаспер, ловко увернувшись от метлы, которая, ошибочно приняв банкира за мусор, попыталась вымести его из комнаты.

Он показал сыну пластмассовый прямоугольник, с помощью которого открыл дверь. Внешним видом карта не отличалась от мрачной надписи при входе в банк, разве что была поменьше. Тот же траурный чёрный фон и на нём монументальная надпись: «Банк «Джаспер». На лицевой стороне карты блестящий маленький прямоугольник встроеного чипа.

– Это вроде ключа? Двери открывать? – поинтересовался Эдвард.

– Нет, – с лёгким раздражением возразил мистер Джаспер, в первый раз в жизни подумавший, что помимо карьеры нужно было хоть изредка общаться с сыном. Возможно, даже учить его чему-нибудь. – На пластиковую карту можно класть деньги, а потом снимать их.

– Невозможно, – покачал головой Эдвард, внимательно рассмотревший карту. Толщиной она была не больше миллиметра. – Не влезут сюда деньги. Она слишком тонкая!

– Это только так говорится. На самом деле на защищенный микрочип карты просто записывается информация о владельце карты. При совершении операции с картой проверяется имеющийся у её владельца остаток денежных средств у нас в хранилище. А теперь давай уже зайдём. Сейчас я тебе покажу самое главное, – мистер Джаспер подтолкнул сына в хранилище.

Оглядевшись, Эдвард разочарованно вздохнул. Он ожидал увидеть мрачное подземелье, затканное паутиной углы, летучих мышей-вампиров, скелеты в кандалах ну и прочие интересные вещи. А оказался в огромном зале, довольно тёмном, но чистом и даже уютном. Немного спасали ситуацию рыцарские доспехи, стоявшие с полным вооружением. У одного, находившегося у сейфа, даже был арбалет. Вдоль стен, сложенных из грубого камня, тянулись длинные стеллажи, уставленные бронзовыми сундучками, на большом дубовом столе стоял современный компьютер. Бухгалтерских счётов что-то не было видно. Рядом раскинулся необъятных размеров камин из чёрного базальта, украшенный горгульями по краям. В его холодной и тёмной пасти были аккуратно сложены сучковатые поленья, и по ним ползали три огненно-красные саламандры. Увидев посетителей, они раскрыли кожаные, как у летучих мышей, крылья, взлетели над поленьями, затем из маленьких ртов вырвались струи огня. Дрова мгновенно запылали, и камин озарился жарким светом. В воздухе летали золотые стайки фей-светлячков. Увидев мистера Джаспера, они весело защебетали и устремились к нему так быстро, что Эдвард на мгновение ослеп от их яркого света. Банкир достал из кармана жестянку леденцов, вынул оттуда полную пригоршню и подбросил в воздух. И как только разноцветные, блестящие, как стёклышки, леденцы взлетели вверх, сияющая стая фей ринулась их ловить. Они запищали ещё громче и устроили небольшую воздушную драку. Особенной популярностью пользовались леденцы зелёного цвета.

– Мятные они просто обожают, – мистер Джаспер подмигнул сыну. – Что? Зато никаких затрат на электрическое освещение.

Поделив добычу, феи быстро рассредоточились. Большая часть взмыла под потолок и распределилась по залу, несколько нырнули под стеклянный абажур зелёной настольной лампы, ещё четыре устроились в настенных канделябрах, сделанных в виде двухголовых химер. Ведьма-уборщица проследовала за гномами в хранилище и теперь гремела своим деревянным ведром возле громадного, занимавшего всю стену сейфа. К нему мистер Джаспер и повёл Эдварда.

– Смотри, сынок, это – самый прочный в мире сейф! – с гордостью сообщил мистер Джаспер, любовно поглаживая холодную синеватую сталь.

– Не боится огня, – тут он схватил за крыло пролетавшую мимо саламандру и подставил её круглый носик прямо к поверхности двери.

Рассерженная рептилия зашипела и исторгла из миниатюрной пасти мощную струю синеватого пламени. Продолжалось это минуту, не меньше, но сталь даже не нагрелась.

– ... Ни механических повреждений, – удовлетворённо произнёс мистер Джаспер.

Он не без усилия вытащил из рук стоявших рядом рыцарских доспехов арбалет, прицелился прямо в центр сейфовой двери и выстрелил. Арбалетный болт срикошетил, не оставив даже следа на стальной поверхности, зато взвизгнула фея, остановились разбитые часы и упал со шкафа подстреленный паук. Уборщица заворчала себе под нос, довольно тихо, но Эдвард мог поклясться, что разобрал слова «хулиган», «ребёнок» и «бездельник». Очевидно, мистер Джаспер тоже обладал неплохим слухом, потому что накинулся на ведьму:

– А вы, миссис Глуми, вместо того, чтобы начальство обсуждать...

– Я, между прочим, мисс, а не миссис! – колдунья с достоинством запахла в потрёпанную шаль.

– Кто бы сомневался, – прошептал мистер Джаспер и поморщился: – А зачем вы посыпаете этим фиолетовым порошком мебель? Пахнет довольно скверно.

Ведьма ухмыльнулась:

– Ясное дело, отравы и не должна хорошо пахнуть.

– Зачем отравы?! В моём кабинете?

Мистер Джаспер с ужасом наблюдал, как порошок на поверхности шкафа начал куриться дымными змейками, и вдруг с влажными хлопками из него стали появляться сиренево-зелёные грибы. Всего минута и шкаф полностью покрылся этими грибами, обретая сходство с ежом, больным экзотическим заболеванием.

– Ясное дело, от бумагоядных улиток, – фыркнула ведьма.

Видимо, решив объяснить наглядно, она запустила руку в выдвижной ящик и вынула оттуда лист плотной, дорогой бумаги, исписанный вычурным почерком. Край листа флегматично жевала громадная полосатая улитка. Сначала она не проявила интереса к происходящему, но вдруг прекратила чавкать, принялась и с неожиданным проворством перепрыгнула на ближайший гриб. Откусив пару кусочков, она вдруг стала прозрачной, раздулась втрое и лопнула, как мыльный пузырь.

– Там же расписки! – закричал мистер Джаспер страшным голосом, ринулся к шкафу и чуть ли не с головой нырнул в выдвижной ящик.

Выбрался он оттуда с таким стоном, что Эдвард бросился на помощь, но оказалось, что банкира терзала душевная боль, а не физическая.

– Слопали! Четырнадцать расписок! О-о-о...

– Да что за расписки такие? – Эдвард озадаченно рассматривал пожёванные, продырявленные листы.

Мистер Джаспер прервал ненадолго своё занятие – горестное покачивание головой, сопровождавшееся стонами, – и объяснил:

– Это такая бумага, в которой пишется, что ты взял, к примеру, деньги. Или какую-нибудь вещь. Ну вот ты жаловался, что твой одноклассник Тимми одолжил у тебя телескоп и не отдаёт уже четвёртый месяц.

Он коснулся свежей «раны». Эдвард нахмурился и не удержался от досадливого замечания:

– Не отдаёт! А зачем ему, вообще не понимаю. Тимми – настоящий гном: звёзды его вовсе не интересуют, он даже не знал, что солнце – это звезда, представляешь? У него телескоп даже в небо не направлен!

– Ну вот видишь! А если бы ты попросил его дать расписку, что он взял у тебя телескоп и обязуется вернуть в положенный срок... – мистер Джаспер задумался, потом быстро спросил:

– А куда же у него телескоп направлен?

– Да куда – прямо в окно соседнего дома. Там живёт наша одноклассница Лиз. Ужасно глупая девчонка!

– Понимаю, – улыбнулся мистер Джаспер, подумав про себя, что свой телескоп Эдвард получит назад не скоро. – Пойдём, самое интересное покажу.

Он положил ладонь на ряд костяных клавиш с цифрами, быстро набрал код, внутри сейфа раздался низкий, глухой звук, и дверь открылась. Толщиной она была сантиметров двадцать, не меньше, и весила наверняка как дюжина горных троллей. Переступив порог, Эдвард ахнул. Вдоль стен высились башни, выложенные из золотых слитков, стояли прямые, как колонны, стеклянные вазы, наполненные драгоценными камнями. Прочные, как железо, мешки из акульей кожи были битком набиты золотыми монетами, а в прозрачных витринах на бархатных подушечках лежали невероятной красоты украшения.

– Я даже представить себе не мог, что у тебя столько сокровищ, – выдохнул поражённый Эдвард. – И ты не можешь мне два года купить компьютер?

– Но сынок, – засмеялся банкир, – ты забываешь, что это не мои деньги, а клиентов банка. В любой момент вкладчик может прийти и потребовать вернуть ему все его деньги. К тому же, банкир не имеет права пользоваться деньгами клиента для своих личных целей. Тем более – покупать такую ненужную и опасную для ребёнка вещь как компьютер.

– Это почему же мне опасно иметь компьютер? – возмутился такой несправедливостью Эдвард.

– Потому, что ты будешь на нём играть.

– А что же в этом плохого?

Мистер Джаспер помолчал.

– Ещё несколько тысяч лет назад на месте прекрасных городов росли непроходимые леса, населённые ужасными чудовищами. Но люди осушили ядовитые болота, возвели мосты над бурными реками. Они построили великолепные города, превратили камни и руду в драгоценности неопишуемой красоты. Научились исцелять страшные болезни и спасать жизни, проникли в глубины моря и поднялись к звёздам, создали удивительные машины и бессмертные произведения искусства... Нет предела человеческому гению. И лишь одно способно его остановить и уничтожить.

– Что же? – прошептал Эдвард.

Вместо ответа мистер Джаспер снял с полки и поставил на стол песочные часы. Вдоль круглого деревянного ободка скакал серебряный всадник – скелет на коне. В одной руке он сжимал косу, другой держал верёвочную петлю, которая вместо уздечки охватывала петлёй шею коня. Банкир перевернул часы, и песчинки с шорохом устремились вниз.

– Этого никто не в силах остановить, – тихо и жёстко произнёс он, с необычной серьёзностью глядя на сына. – Время. Наш медленный убийца. Секунды складываются в часы, часы – в годы. Ни днём, ни ночью время не останавливает свой неумолимый бег. И каждая напрасно потраченная минута – это навсегда утраченный шанс. Как кровь по капле, нас ежеминутно покидает жизнь. На что ты хочешь потратить её – на создание нового или на бессмысленную игру?

На это Эдвард не нашёлся, что ответить. Затянувшуюся паузу прервало появление гномочки, которую они видели в приёмном отделении.

– Мистер Джаспер, к вам посетитель. Кредит хочет. Только он, как бы это сказать... Ничего не знает и не понимает.

– Чудесно, чудесно, – заулыбался мистер Джаспер.

Клиентов, которые ничего не знают и не понимают, он любил особенно. С ними гораздо легче договориться, они не читают по несколько часов договор, неприятных вопросов не задают. Потирая руки, мистер Джаспер заспешил к выходу из своего подземелья, бросив на ходу:

- Он что, тролль?
- Нет, гораздо хуже. Санта Клаус.

Рыцарь на чёрном коне

Мистер Джаспер в задумчивости ходил по кабинету, нацепив на кончик длинного носа очки в золотой оправе. Зрение у банкира было острое, как у горного орла, очки же он надевал исключительно в целях устрашения клиентов. Свеча на столе скудно освещала кабинет, весь уставленный шкафами с папками в кожаных переплётках. Её слабенький огонёк не мог разогнать темноту, и потому углы комнаты тонули в неприятном мраке, портреты предков мистера Джаспера сурово взирали со стен на смущённого Клауса. Клауса поразило их сходство – одна и та же поза: в одной руке карманные часы на золотой цепочке, в другой зажат туго набитый кошель, под мышкой непрезентабельные счёты. Цени время и деньги. Наверное, когда-нибудь и портрет мистера Джаспера украсит эту стену, а его сын точно так же будет встречать клиента в кабинете.

Надо сказать, что банкир и посетитель сразу друг другу не понравились. Клаус нашёл мистера Джаспера слишком строгим, неприязненным, старым и необаятельным, оттого проникся к нему недоверием. Мистер Джаспер, напротив, нашёл Клауса слишком мягким, симпатичным, молодым и обаятельным, и поэтому также проникся к нему недоверием.

– Итак, – мистер Джаспер внушительно откашлялся, поправил на носу бесполезные очки и ещё раз сурово взглянул на гостя, – поговорим о залоге.

– А это обязательно? – хмуро спросил Клаус.

О залоге он от Ричарда был уже достаточно наслышан. Неприятная штука. Если заложить дом (а больше ничего и не осталось), то в случае невозвращения кредита вовремя этот дом у тебя заберут. И что он тогда Молли скажет?

– Ну а как же? – прервал его невесёлые мысли банкир. – Стабильного дохода у Вас нет, иначе Вы бы к нам не обратились, а я должен быть уверен, что получу свои деньги обратно. Итак. Вот небольшой списочек документов, которые Вы мне должны принести...

Мистер Джаспер жестом фокусника выхватил из выдвижного ящика стола пергамент. Взмахнув им, как штандартом, он вручил эту весьма длинную ленту Клаусу. Пергамент с шорохом развернулся, укрыв колени Клауса, точно шотландский плед. В зловещем багровом свете камина на его поверхности проступили загадочные строки:

«Перечень документов:

- 1) паспорт,
- 2) свидетельство о регистрации прав на недвижимое имущество,
- 3) справка о заработной плате,
- 4) выписка из домовой книги...»

И прочие малопонятные вещи.

– Знаете, мне нужно подумать... – выдохнул Клаус, нервно сворачивая пергамент.

– Конечно, конечно, – мирным голосом отозвался банкир. Он теперь решил сбавить свирепый тон, очки снял, даже попытался изобразить подобие улыбки на лице. Эффект получился обратный – улыбался банкир нечасто, так что отсутствие тренировки сказалось, и весьма. Клаус, который так и не понял, отчего это мистер Джаспер так зловеще оскалился, сгрёб список документов и поспешил откланяться. Всё это требовалось осмыслить в более спокойной обстановке.

Едва Клаус вышел из банка, как его охватило странное чувство. Будто кто-то наблюдает за ним из темноты кустов жасмина, посаженных вдоль аллеи, ведущей на парковку. Чей-то взгляд пристальный и недобрый сопровождал его на протяжении всего пути. Но вот уже из-за кустов показался мохнатый Рудольф. Что-то пьёт, низко наклонив голову и широко расставив ноги для большей устойчивости. Как вдруг...

– Эй, дружище! – раздался за спиной негромкий голос.

Клаус обернулся и увидел коренастого гоблина, в низко надвинутой на глаза шляпе. Глаза из-под полей этой шляпы поблёскивали, будто угольки.

– Что, дружище, в кредите отказали? – он нагло подмигнул и расплылся в широчайшей улыбке, обнажив довольно острые клыки.

– Да нет, просто...

Объяснить Клаус ничего не успел.

Гоблин затараторил, да так быстро, что Клаус и слова вставить не мог.

– Ой, да знаю я этих гномов! Дай им гарантии, обеспечение, то да сё, да на всё бумажки, да докажи, что ты не болотный слизняк...

В отсутствии точности эту характеристику было трудно упрекнуть, так дальше Клаус слушал уже внимательно.

– Да какие ему гарантии ещё нужны, когда речь идёт о таком известном, добропорядочном человеке? Гм. Тебя, кстати, как зовут, дружище?

– Мистер Клаус.

– Ну вот! Я ж говорю! – гоблин фамильярно хлопнул Клауса по локтю, поскольку до плеча не дотянулся. – Ну кто не знает в наших краях старого, доброго... Как ты сказал, тебя зовут?

– Клаус. Но почему Вас так интересуют мои проблемы? – удивился Клаус.

– Да потому, дружище, что я твой спаситель! Можно сказать – рыцарь на белом коне. Ха-ха-ха! – гоблин рассмеялся, но тут же стал серьёзен. – Я работаю в замечательной компании, которая даст тебе заем за пять минут! И никаких бумажек, дорогой! У тебя ведь паспорт с собой? Да? Поехали, мы сейчас туда сгоняем, договор оформим и вмиг тебя назад примчим.

– У меня свой олень, – возразил Клаус, которого подобная спешка начала смущать.

– Ну пусть толстячок отдыхает, что его беспокоить? Он всё равно так какао упился, что взлететь ещё долго не сможет.

– Рудольф! – страшным голосом взревел Клаус, в два прыжка добравшись до парковки.

Рудольф поднял полные вины глаза на хозяина. Дымящееся какао капало с пушистой морды в огромное железное ведро, на котором была криво приклеена записка – «От тайного почитателя». Брюшко у безвольного любителя сладкого увеличилось ещё больше, ноги разъезжались. Под гневным взглядом хозяина он зажмурился, скорбно опустил уши, а потом и морду. Обратно в ведро с какао.

– Ну вот, ну вот. Пусть зверушечка отдыхает, а мы прокатимся, – гоблин уже тащил Клауса прочь от парковки и предателя оленя. – Деньги прямо сейчас и получишь, дружище, и всего-то один документик. А дом у тебя, наверное, большой?

– Большой, с садом, – машинально ответил Клаус, удивляясь тому, что они по не приметной тропинке идут прямо в чашу.

Лес тут был густой и очень тёмный. Деревья смыкались кронами в вышине, не пропуская ни одного лучика света, папоротники доходили до пояса, так что Клаус почти ничего не видел. Наконец гоблин вывел его на полянку, где стояла карета, запряжённая четвёркой лошадей, и угодливо распахнул перед клиентом двери. Клаус неловко сел в карету, зацепившись краем пальто за причудливую кованую ступень, отчего бедняжка Люси, до того мирно дремавшая в кармане, кубарем вылетела наружу. Разбуженная столь невежливым образом, она растерянно хлопала длинными ресницами и успела только увидеть, как хлопнулась дверца кареты. Храбрости маленькой фее было не занимать. Прежде чем карета тронулась, она успела запрыгнуть на заднюю подножку и спрятаться под золотой надписью: «Гоблин банк». Мы позаботимся о твоих деньгах».

Внутри кареты было совершенно темно. Клаус с изумлением заметил, что окна были наглухо закрыты фиолетовыми шторами. Он попытался отодвинуть плотную ткань, но шторы были крепко прижаты медными штангами. Однако то, что ему удалось увидеть, его очень смущало. На окнах кареты были крепкие железные решётки. Гоблин между тем зажёл маленький

фонарик, который осветил карету уютным оранжевым светом, повернул бронзовую рукоятку в виде утиной головы, и сверху опустился столик уставленный бутылками и бокалами.

– Что желаешь, дружище? Коньяк, вино? Есть экзотический русский напиток «водка».

– Что вы! – отмахнулся Клаус. – Я такое не пью, я же с детьми работаю. К тому же, это чрезвычайно вредно для здоровья.

Гоблин заметно расстроился:

– Ну, тогда, может, сигару?

– И не курю. Это тоже вредно для здоровья.

Гоблин расстроился ещё больше:

– Ты прямо как моя мама. А! У меня же есть энергетический напиток. Желаешь?

Не дожидаясь согласия, гоблин схватил со стола синюю, отделанную серебром бутылочку. На одной её стороне был нарисован печальный лепреккон. Плечи опущены, взгляд – усталый. На обратной стороне бутылочки лепреккон воспарял в небеса с помощью грубо нарисованных красных крыльев. Клаус отпил из бутылочки, и тут произошло странное. Свет в фонарике разгорелся ярче, по телу разлилось приятное тепло, захотелось улыбаться. И почему этот милый, дружелюбный гоблин показался ему сомнительным? Какие глупости... Конечно, они едут в самый лучший в мире банк, и всё будет замечательно. Голова у него закружилась, всё поплыло перед глазами, он попытался поставить бутылочку на стол, но уронил её.

В это время бедная Люси решила взять себя в руки, перестать трястись от холода и посмотреть куда же они едут. Она с трудом взобралась на крышу кареты, жмурясь от сильного ветра. Онемевшие от холода пальцы скользили по золочёной поверхности крыши, крылья цеплялись за резные надписи: «С „Гоблин банком“ ты богат», «„Гоблин банк“ будет с тобой до конца твоих дней» и прочее. Прислонившись спиной к султану из малиновых страусовых перьев, венчавшему крышу кареты, фея огляделась. Они ехали по очень странному лесу. Деревья были словно покрыты густым слоем пепла, и под его бархатным серым мехом проглядывали чёрные угольные стволы. Такой же пепельной и хрупкой была трава, тронь – и рассыплется в пыль. Ни один рыжий или алый лист не нарушал темноты, клубящейся между деревьев. Не было слышно ни птиц, ни зверей, только ветер, который казался здесь единственным живым существом, качал узловатые мёртвые ветви, отчего те пронзительно скрипели. Особенно сильные его порывы ломали хрупкие истлевшие кончики травы, превращая их в пыль и туман. Словно живая мгла ползла по поверхности земли. Сердце Люси бешено застучало.

«Да ведь это Мёртвый лес!»

Маленькая фея побледнела. Вспомнились страшные сказки об этом месте, которые рассказывала бабушка долгими зимними вечерами. Проклятый лес, к которому доброму человеку и на милое приближаться нельзя, в котором ни птицы, ни звери не живут! Обычные птицы и звери. Зато его сумрачные заросли стали домом для жутких существ, которые не выносят солнечного света. Безлунными ночами нежить бродит между покрытых пеплом стволлов, горят во мгле золотые глаза оборотней, слышны рыдания ночной птицы-призрака, а в тумане появляются на болотах безликие тени... Ну и что тут делает её начальник?

Карета остановилась. Гоблин ловко выскочил из неё и жестом актёра уличного театра пригласил Клауса ко входу в нарядный белый особняк. Над входом горела и переливалась всеми цветами радуги вывеска «Компания «Легкие займы». Клаус огляделся. Вокруг берёзы в жёлтом облаке листвы, идеально подстриженный газон, на клумбе лиловые и алые примулы. Очень красиво, хотя немного странно – разве примулы не весной цветут?

Внутри оказалось также празднично – в канделябрах жёлтые и розовые свечи, даже огоньки у них цветные, всё блистает золотом и белизной.

Навстречу вышли две милые девушки-гоблинши и пригласили пройти в зал для особых клиентов. Клауса поразило, насколько их внешний вид отличался от делового стиля сотрудниц банка гномов. Никаких строгих костюмов, унылых причёсок. На девушках были узенькие

юбки, воздушные шарфики с логотипом компании и туфли на высоких, тоненьких каблучках. Клаус был препровождён в комнату, которая называлась «Кабинет для самых важных и почётных гостей».

Кабинет этот буквально тонул в золоте и роскоши. В кожаном кресле Клаус «утонул» тоже. Только он расслабился, как тут же увидел перед собой на столике толстую кожаную папку с золотым логотипом.

– А вот и договорчик, дружище! Да ты не спеши, почитай внимательно.

Клаус неуверенно развернул 200-листовый договор. Строчки плыли и двоились перед глазами. Проклятый энергетический напиток...

– А мы тебе сейчас чайку организуем, ты же не спешишь куда?

Гоблин достал невесть откуда взявшийся роскошный чернильный прибор. Он состоял из чернильницы и длинного павлиньего пера. Без стука вошла девушка с подносом, на котором дымился изящный чайник и две фарфоровые чашечки, такие тонкие, что казались прозрачными. Рядом на ажурном серебряном блюдечке лежали горкой шоколадные монетки. На каждой – логотип компании. Клаус неловким движением положил одну себе в карман, подумав при этом, что надо отнести Молли. Она так любит шоколадки, а он их всегда дарит детям, говоря, что это служебные. Гоблин ловко налил чай себе и клиенту, однако сам пить не стал. В надежде исправить последствия энергетического напитка Клаус выпил чай залпом, после чего ему стало ещё хуже.

– Ты читай, читай...

Гоблин перелистнул договор на последнюю страницу:

– А вот тут расписаться надо.

Клаус не успел опомниться, как в его руку вставили павлинье перо, и он с трудом поставил свою подпись.

– Ну вот и молодец, дружище.

Гоблин похлопал его по плечу и помог подняться из кресла. На негнувшихся ногах Клаус неуверенно побрел к выходу, под мышкой у него была копия договора, в руке мешок с глухо позвякивающими монетами. Никто его уже не провожал.

А в это время Люси, которая перебралась с крыши кареты внутрь, с недоумением рассматривала лежащую на полу бутылочку. Непонятные слова «энергетический напиток» ей ничего не сказали, поэтому она решила почитать состав. Пахло содержимое бутылочки очень приятно, всё же смутные сомнения терзали её маленькую душу. Крупная надпись сверху этикетки гласила: «Только натуральные ингредиенты, никакой химии!»

Дальше, более мелким шрифтом шёл состав: «Сушёный хвост амбарной крысы, клыки летучей мыши, помёт голубя, мозги медузы». Люси удивлённо посмотрела на бутылочку. У медуз нет мозгов.

«Рекомендовано детям с трёх лет». В скобочках ещё меньшим шрифтом было написано уточнение: «детям вервольфов, горных троллей, болотных кикимор».

Люси обрадовалась – ну вот, а миссис Молли не знает, чем вывести клиффов, которые уничтожили уже половину её запасов корицы, имбиря и ванили. От такой штуки они точно скончаются.

Призрачная победа

В карету Клаусу также пришлось забираться самостоятельно. Гоблин только шепнул что-то на ухо коням, и карета тут же тронулась в обратный путь. Едва Клаус опустился на мягкое сидение, как немедленно провалился в тяжёлый, беспокойный сон. И не видел, что стоило им отъехать на сотню метров от роскошного офиса «Легких займов», как он на глазах начал меняться. Съёжились великолепные мраморные колонны и стекла в траву, белоснежная кора берёз потемнела и обуглилась, а золотые листья рассыпались пылью. Ещё несколько минут, и от аккуратного газона с цветами не осталось и следа, а здание компании превратилось в неказистый, ветхий домик.

Ожидавший Клауса Рудольф был полон смущения и раскаяния, но увидев те же эмоции на лице хозяина, заметно приободрился. Впрочем, по дороге домой Клаус воспрянул духом. Всё же он сделал то, что должен был. Деньги получены, скоро все их проблемы останутся позади.

Подъезжая к дверям своего дома, он уже насвистывал любимую мелодию, так хорошо знакомую детям всех возрастов. В гостиную вошёл, чувствуя себя победителем, торжественно водрузил на стол тяжёлый мешок с монетами.

В комнате воцарилось благоговейное молчание.

Потом Молли, всхлипнув, бросилась ему на шею и порывисто обняла.

– Клаус, ты это сделал!

– Вопрос, как, – донёсся ехидный голос со шкафа.

– Что ты имеешь в виду? – настороженно спросил Клаус ворона, который оценивающе смотрел на него своими умными чёрными глазами.

– Имею в виду, под какие проценты ты взял кредит и на какой срок. Был ли у тебя поручитель?

– Поручитель? Ну, там был милый такой гоблин...

– Нет, – засмеялся ворон. – Поручитель – это лицо, которое возьмет на себя все обязательства по твоим долгам, если ты по какой-либо причине не сможешь эти долги погасить.

– Это как это лицо может за что-то поручиться? – тролль, гревшийся у камина, взял отполированное серебряное блюдо и недоуменно воззрился на свою физиономию.

– Лицо, это имеется в виду – человек или тролль, – пояснил Ричард, неграмотному троллю.

– Нет, за меня никто не поручился, – немного смущённо сказал Клаус. В душу его закралось смутное беспокойство. Он только сейчас понял, что условия сделки как-то не обсуждались. А заодно вспомнил про шоколадки, которые захватил для жены.

– Молли, я тут тебе привёз...

Странно. В кармане вместо красивых, миниатюрных шоколадок с логотипом «Легких займов» только сухие осенние листья.

– Ну, договор-то у тебя? – спас ситуацию Ричард. – Дай почитать.

Ворон перелетел со шкафа на стол, открыл выдвижной ящик, долго рылся там и наконец выудил миниатюрное золотое пенсне, которое ловко нацепил на клюв.

– Эй, боюсь, на то, чтобы прочитать это, уйдут годы!

Клаус положил перед вороном контракт, который по объёму мог конкурировать с полным собранием сочинений сказок братьев Гримм.

Ричард ухмыльнулся.

– Один русский писатель по фамилии Чехов говорил, что краткость – сестра таланта. Так вот, к парню, который составлял этот договор, это явно не относится. Ладно, Молли – кофе.

Много. Брауни – где эти бездельники? Мои любимые засахаренные ананасы. Тишину, покой и уважение!

Всё, кроме последнего, он немедленно получил.

Весь вечер над ним подшучивали, интересовались сколько лет своей жизни он готов потратить на изучение этого юридического документа. Ричард не реагировал.

Когда рано утром Клаус спустился в гостиную, там было холодно и неудобно. Камин за ночь остыл, за окнами клочьями плавал сырой, осенний туман. Красивый столик орехового дерева был завален огрызками засахаренных ананасов, пустыми чашками из-под кофе и скорлупками лесных орехов. Ричард был бодр и свеж, хозяина приветствовал сочувственным взглядом.

– Ну, как дела? – поинтересовался Клаус.

– Плохо, – радостно ответил ворон, – как я и думал. Ну, ты, наверное, в курсе, что ты взял кредит под 50 процентов, должен вернуть его в течение месяца и заложил свой дом.

– Что?! – от неожиданности Клаус сел в кресло, стоявшее возле остывшего камина.

– Вот, любуйся, – ворон подпихнул лапой отдельно лежавшие несколько листов. – Можешь объяснить, почему ты это подписал?

– Я могу! – раздался тоненький голосок с каминной полки.

Люси, которая вопреки своему обыкновению, эту ночь посвятила не работе, а отдыху, сейчас занималась тем, что причесывала пушистые локоны, любуясь своим отражением в медном чайнике.

– Видишь ли, Ричард, дело в том, что мистер Клаус выпил яд. Называется энергетический напиток. Я сама видела. И даже привезла с собой – помочь миссис Молли избавиться от этих противных пожирателей специй.

– А я могу прямо сейчас вернуть им эти деньги? – спросил Клаус, который уже начал приходить в себя.

– Понимаешь ли, если в договоре указано, что стороны могут его расторгнуть по указанным в нем причинам, и это подписано, то – можно. В твоём договоре наоборот, написано, что договор расторгать нельзя ни по каким основаниям. Раз ты это подписал, значит, ты с этим согласился. Договор оформлен правильно с технической стороны, мы не можем его расторгнуть. И зачем ты пошёл к гоблину, а не к гномам?

– Ну, у гномов просили какое-то обеспечение и ещё кучу документов, да и неудобно там было...

– Ладно, – сказал ворон. – Дело сделано, давай думать, как нам теперь быть. У меня есть несколько идей...

– А у меня всего одна, – расплылся в улыбке тролль и продемонстрировал всем свою громадную сучковатую дубину. – Зато надёжная!

– Гордон, мы же не преступники, – поморщился Ричард.

– Кроме этого, на мой взгляд, весьма эффективного варианта, – Клаус с улыбкой взглянул на дубину Гордона, – что ещё может повлиять на гоблина? Кроме денег?

– Как ни странно, гоблины с большим уважением относятся к старшим. Авторитет родителей у них непререкаем и ... – Ричард запнулся, потом взглянул на Клауса просветлевающим взглядом. – И мы этим воспользуемся!

Ворон не без труда открыл форточку, протиснулся в узкий проём и улетел в неизвестном направлении.

Расстроенный Клаус, не обращая ни на кого внимания, вышел в сад. Ему хотелось побыть в одиночестве. Молли начала на кухне греметь посудой. Каждый погрузился в свои безрадостные думы.

Через два дня вернулся повеселевший Ричард и предложил немедленно нанести визит бессовестному финансисту. Вид у ворона был настолько довольный и уверенный в себе, что

никто не стал расспрашивать его об успехах экспедиции. Клаус и Люси пылали праведным гневом, Рудольф предложение отправиться в мёртвый лес воспринял без энтузиазма, но его мнением никто не интересовался.

Мёртвый лес раскинул перед ними свои зловещие сети – тени чернели меж деревьев, паутина колыхалась, седыми прядями свешиваясь с деревьев, летучие мыши с пронзительными криками вылетали из чащи... Тщетно. Клаус так жаждал поскорее увидеть бесчестного финансиста, что даже внимания не обратил на все эти ужасы.

Добрались довольно быстро. Но вот и знакомая полянка... Точнее, не очень знакомая. Ни клумб, ни роскошного мраморного фасада, который так впечатлил Клауса во время его прошлого визита. Ветхий и грязный дом, с покосившейся вывеской встретил неожиданных посетителей тёмными окнами и крепко запертой дверью. Минут пять Клаус барабанил по двери кулаком. Наконец, в глубине дома раздались неторопливые шаги. Какое-то движение над их головами, и на шаткий покосившийся балкончик вышел уже знакомый Клаусу гоблин. Одет он был по-домашнему, видимо, сейчас в «Гоблин банке» были неприёмные часы. Ворон насмешливо прищурился, разглядывая шитый золотом, ядовито-сиреневый халат финансиста и крупные перстни, которые он нацепил на каждый палец.

– Чего желаете? – ехидно поинтересовался гоблин, поплотнее запахиваясь в свой роскошный халат. – Неужто принесли мои денежки с процентами? – Он хотел ещё что-то добавить, но Клаус оборвал его на полуслове.

– Вы бесчестный жулик, – спокойно сказал он, – вы обманом заставили меня подписать этот договор. И мы хотим его расторгнуть. Вот ваши деньги – до последнего золотого. С этими словами он поставил мешок с монетами на землю.

– Ну, нет, дружище. А как же мои пятьдесят процентов? Что скажешь?

Клаусу было что сказать. Время шло, дискуссия затянулась. Ворон мирно похрапывал на спине Рудольфа, фея украдкой достала журнал «Крылатая модница». Рудольф с тоской думал о вишневом пироге, который миссис Клаус, наверное, уже испекла. И, если на вечерний чай, как обычно, заглянул Гордон, то от этого пирога может уже ничего не остаться. И что тогда делать?

Пробуждение Ричарда было пренеприятным. Из сладких сновидений его вырвал чудовищный грохот. Дело в том, что, потеряв терпение, Клаус потряс чахлую осинку, служившую опорой для балкончика. Хрупкая конструкция не выдержала, и почтенный сотрудник «Гоблин банка» с шумом рухнул к ногам своего обиженного клиента. Но совершенно не растерялся.

– Эй, парни! – Гоблин сунул в рот два пальца и оглушительно свистнул. Запертые двери настезь распахнулись, и на поляну выскочили четыре здоровенных лесных тролля с дубинками в руках. Интеллектом их морды не блистали, зато вид был устрашающим и мог напугать кого угодно, кроме разъяренного Клауса, который был так зол, что даже обрадовался.

– Ну, идите, идите сюда, – сказал, неприятно улыбнувшись, Клаус.

– Шеф, может, не надо? – пробормотала Люси. – Для ледовых скульптур ещё не сезон. – И здесь совершенно некому будет на них любоваться.

Гоблин понял, что переоценил деликатность своего клиента и ситуация стала выходить из-под контроля. Годами налаженный опыт ведения бизнеса (ну, как он его понимал) впервые не сработал. Все замерли, как фигурки в театре теней в ожидании своего режиссёра. И он не замедлил появиться.

Заскрипели несмазанные колёса, и на полянке появился презабавный экипаж. Двухколёсная дощатая тележка, крытая сверху ветхим пледом, была запряжена стареньким пони. Все, кроме ворона, замерли в изумлении.

Неужели бродячий цирк? Откуда он здесь? Плед приподнялся и величественной поступью, как капитан пиратского брига, на землю спустился осанистый старик-гоблин. Он был одет

в потёртый, но, тем не менее, элегантный сюртук, манишка была накрахмалена, но очень ветхая. Видно было, что хозяин этого костюма знал лучшие времена. Все продолжали стоять в изумлении, кроме молодого гоблина. Вначале он побледнел, потом покраснел и попятился, как будто увидел привидение.

– Здравствуй, сынок, – с достоинством промолвил старик-гоблин.

– Папа? Ты? Откуда? – «сынок» съёжился и будто стал меньше ростом.

– Я, Генри, я, – промолвил старик. – Всё хотел узнать, как поживает мой мальчик после того, как столь блистательно окончил юридический факультет самого лучшего вуза. Хоть бы открытку прислал к Рождеству...

– Как ты нашёл меня? – растерянно пробормотал Генри.

– Мир не без добрых людей, точнее птиц, – с ноткой сарказма ответил отец. – Есть поговорка «дурная слава впереди бежит». Ты стал слишком популярным, сынок. И как мог ты так низко упасть, Генри?

– Балкон не выдержал, – объяснил Генри, безуспешно пытаясь отряхнуть осенние листья со своего великолепного халата.

– Я не о том! Ты гнусно обманываешь собственных клиентов, нечестно ведёшь бизнес...

– Дурманное зелье в чай подмешивает, – наядбедничала и фея, желавшая внести посильный вклад в эту семейную ссору. – Разве босс подписал бы договор на таких сумасшедших условиях, если бы его не опоили?

Старший гоблин пришёл в ужас, но высказаться на эту тему не успел.

– Да ты на себя посмотри! – возмутился его сын. – Одет в лохмотья, живёшь на убогую пенсию.

– Всю свою жизнь я честно работал, – старик с достоинством поправил кружевные манжеты, ставшие от многочисленных стирок прозрачными. – И все сбережения вложил в твоё образование. Лучший вуз, аспирантура... И что в итоге?

Старик насмешливым жестом указал на здание «Гоблин банка». Генри оглянулся. Он, подобно герою шекспировской трагедии, словно стоял на сцене. И декорации на этой сцене были неприятные. Обшарпанный, ветхий домик, который ещё мог бы послужить пристанищем для десятка кур, но уж точно не годился для уважающей себя финансовой компании, несимпатичные тролли, с открытыми ртами слушавшие этот диалог, болтающаяся на одном гвозде вывеска, на которой ни слова правды. Он сглотнул.

– Зато... Зато я богат!

Генри продемонстрировал свои драгоценные перстни, затем достал из кармана чековую книжку и воздел её над головой. Так средневековые рыцари поднимали флаги, устремляясь на битву с драконом. Как многие бизнесмены старой закалки, гоблин предпочитал чековую книжку современным пластиковым картам и всегда носил её с собой в качестве талисмана. Волшебная, если вдуматься, вещь. Несколько сшитых между собой листочков бумаги, с помощью которых можно снять со счёта деньги или расплатиться за покупку. Последнее, впрочем, Генри весьма не любил. Его отец посмотрел на чековую книжку так же презрительно, как смотрели драконы на рыцарские флаги.

– Чековая книжка, которую ты так боготворишь, не принесёт тебе в постель чаю, когда ты заболеешь. У меня, по крайней мере, есть друзья и прекрасная репутация. Любой тебе скажет, что Родерик Рок – порядочный гоблин. А что скажут о тебе? Ты не только мистера Клауса обидел, но и всех детей, которых ты лишил самого чудесного праздника.

Генри сник. Постояв минуту в нерешительности, он повернулся и поплёлся в дом. Вернулся, прижимая к груди контракт. Клаус вытащил мешок с золотом и оба молча, стараясь не глядеть друг на друга, произвели обмен. Старший гоблин торжественно порвал оба договора.

– Знаешь, Генри, а я, пожалуй, поживу некоторое время у тебя, – гоблин – старший ободряюще похлопал сына по плечу.

– Что!?

– Помогу адаптироваться к жизни честного человека...

– Нет!

– Да ты не переживай, мы отлично тут устроимся! – отец ободряюще улыбнулся, и Генри выдал в ответ кислую улыбку.

– Пойдём, не будем им мешать, – Люси коснулась плеча Клауса, и они торопливо покинули сцену семейного единения.

Каникулы Рудольфа

В детстве Клаус слышал от мамы поучительную историю о человеке, отправившемся в дальнее странствие в поисках истинной любви. Объехав целый свет, он ничего подходящего не нашёл и вернулся к своему дому и соседской девушке, на которой благополучно женился. Когда мама закончила рассказ, маленький Клаус подумал, что, наверное, этот неудачник чувствовал себя дурак дураком – потратить столько времени и сил, чтобы вернуться к тому, от чего так старательно бежал. И вот сейчас он испытывал те же эмоции, входя в «Банк «Джаспер». Рудольфа он на парковке оставлять уже не решился, попросил подождать прямо у здания банка.

Олень облюбовал аккуратно подстриженный газон, над которым склоняли узловатые ветви райские яблони. Утомлённый дорогой, он улёгся прямо на зелёную траву и собрался вздремнуть, но не тут-то было.

– По газону ходить не положено! – рявкнул неприветливый голос.

Рудольф нехотя приоткрыл один глаз, сочтя, что открывать оба будет ниже его достоинства. Прямо над ним стоял пожилой тролль в фартуке садовника, вооружённый лопатой и граблями.

– Не видишь, что ль? – тролль указал на вбитую в землю табличку, где сияли бронзовые буквы: «По газонам не ходить».

– Читать не умею, – меланхолично ответил олень. – И я не хожу, а лежу.

Троль счёл аргументы убедительными.

– Ну, тогда ладно, – буркнул он и отправился ухаживать за клумбами.

А в это время Клаус встретился с банкиром. Мистер Джаспер принял своего клиента так же радушно, как отец блудного сына. Улыбнувшись (что с ним случалось нечасто) и даже предложив чаю (что случалось совсем уж редко), он просмотрел принесённые Клаусом документы, которые были необходимы для получения кредита.

– В целом, всё в порядке, – банкир сделал небольшую паузу, – но, понимаете, мне всё же нужен какой-то залог.

– Понимаю, – вздохнул Клаус, – но дом у меня уже заложен, сани забрали за долги, только и остались олени.

Оба взглянули в окно, где на газоне развалился Рудольф. Ошибочно полагая, что его никто не видит, бессовестное животное занималось тем, что жевало райские яблоки со склонённого над ним дерева. Подвигая копытом гибкие ветки, он брал мягкими губами маленькие, уже тронутые первыми заморозками и оттого прозрачные плоды. И даже глаза закрывал от удовольствия.

– Собственно, почему бы и нет? – задумчиво пробормотал гном.

– Вы серьёзно? – Клаус поднял брови. – Возьмёте в залог вот это толстое, ленивое, дремучее животное?

– Ну, – засмеялся банкир, – если в итоге Вы не сможете выкупить его обратно, ещё не известно, кому придётся хуже.

– А я смогу продолжать использовать оленя для работы? Я слышал, что при залоге такое разрешается.

– В Вашем случае, – банкир задумчиво посмотрел на оленя, – я думаю, мы для большей надёжности возьмем его в заклад, то есть оставим у себя.

– А он Вас не разорит? Ведь Вам понадобится столько вёдер какао и шоколадного печенья, и еще у него тяжёлая степень зависимости от джема.

Но как ни крути, это был единственный выход, и Клаус согласился. Оставалось урегулировать дипломатический вопрос с самим рогатым «залогом в форме заклада», и Клаус, всё ещё

раздираемый сомнениями, пошёл на лужайку. Едва за ним закрылась дверь, портьера у стены отодвинулась, за ней открылась небольшая ниша. За столом, заваленным книгами и скупо освещённым восковой свечой, сидел Эдвард.

– Папа, а если мистер Клаус не сможет с тобой рассчитаться? Если его бизнес не принесёт денег, и он не сможет вернуть кредит, что тогда? Ты ведь оленя взял в залог, чтобы помочь мистру Клаусу и чтобы он думал, что всё идёт, как положено?

– Да, – улыбнулся мистер Джаспер, – оленя можно было оставить у мистера Клауса, даже взяв его в залог. Но где наш молодой бизнесмен найдёт столько какао и пирожных?

– Но если он всё же не сможет рассчитаться?

Мистер Джаспер молчал. В памяти всплыл Рождественский вечер, бывший много-много лет назад. Ему семь лет, он стоит перед большой, красиво украшенной Рождественской ёлкой. Брат и сестра уже достали из полосатых носков, повешенных над камином, свои подарки, и теперь они с восторгом обнимают куклу и плюшевого медведя. А ему страшно. Он так мечтал получить в подарок динозавра! Резинового или пластмассового – всё равно. Главное, чтобы был как живой, с клыками и когтями. Лучше тиранозавра или кого-нибудь не менее серьёзного. И родителям много раз на это намекал, но разве они поймут? Мама всё причитала: «Такая страшная игрушка, она повредит психику ребёнка», а папа всё покупал полезные, развивающие игры и книги. Такие скучные! Как плохо быть старшим – все от тебя чего-то требуют и ждут. Вот бы Санта Клаус услышал и подарил динозавра!

Дети бегают вокруг ёлки, пахнет хвоей и мандаринами, горят восковые свечи, белые, как снег. Все уже открыли свои подарки, а он всё медлит. И носок кажется совсем пустым, а вдруг в нём уголёк? Всем известно, что детям, которые плохо себя вели, Санта Клаус вместо подарка кладёт в носок уголёк. Но вместо уголька на ладонь падает открытка, на ней стрелка вниз, к его ногам, где стоит большая коробка, обёрнутая блестящей красной бумагой. А в коробке он, пахнущий новой резиной и красками, большой свирепый динозавр! И где-то в вышине, в морозном ночном небе весёлый смех и перестук оленьих копыт, высекающих звёзды. Санта Клаус тогда услышал, исполнил заветную мечту маленького гнома.

– Знаешь, сынок, – мистер Джаспер выпрямился во весь свой небольшой рост, – если что – я заплачу за него собственные деньги.

Уговорить Рудольфа пожить некоторое время в семье гномов оказалось так же легко, как уговорить тигра питаться салатами. Клаус исчерпал все доводы, даже такие серьёзные, как то, что у миссис Клаус закончились запасы шоколада. Но Рудольф был непоколебим.

– Руди, ты пойми, ну это же ненадолго. Мистер Джаспер обещал, что у тебя будет всё, чего душа пожелает. Ты ведь нам веришь?

– Нет.

– Но пойми, это единственный выход! Нам нужно начать бизнес, а больше деньги взять просто неоткуда. Неужели ты не хочешь спасти светлый праздник Рождества?

– Нет.

– А как же твоё чувство долга? Разве ты не хочешь помочь...

– Нет.

Но внезапно мрачный и оскорблённый до глубины души Рудольф вскинул голову, задвигал ушами и глубоко втянул носом воздух.

– Запах, – прошептал он и блаженно закрыл глаза. – Чудесный.

К ним спешила полненькая гномиха в уютном клетчатом платье, поверх которого был надет белоснежный фартук. В руках она несла поднос, на котором поблёскивал начищенными боками медный котелок, распространявший вокруг себя восхитительный запах свежесваренного какао. И к этому котелку Рудольф устремился всей душой.

– Я миссис Джаспер, – приветливо представилась она Рудольфу. – Попробуешь, милый? Я приготовила специально для тебя.

– Необычный! – Рудольф ещё раз глубоко вдохнул аромат. У него мелко задрожали уши.

– Я добавила тёртый горький шоколад и корицу, – улыбнулась миссис Джаспер.

Олень перевёл умоляющий взгляд на Клауса.

– Хозяин! – прошептал он полным восторга голосом, – согласен! Остаюсь. Буду отдыхать, нагуливать жирок.

– Куда тебе ещё!? – ужаснулся Клаус.

Прощание было недолгим. Олень с неожиданным для его весовой категории проворством отбыл вместе с миссис Джаспер на кухню, а его хозяин украдкой вытер непрошеную слезу и направился домой.

Впервые за многие годы ему предстояло воспользоваться общественным транспортом. С тяжёлым сердцем и не менее тяжёлым мешком, набитым новенькими золотыми монетами. На стоянке было пустынно – семь вечера, все спешат с работы домой, и потому на парковке Клаус не нашёл ни кареты, ни приличной лошади. Собственно, он был уже согласен и на неприличную, но увы. Весь транспорт, имевшийся в наличии, был представлен мрачным, облезлым медведем и ещё более мрачным троллем с большим двуручным топором. Как тут же выяснилось – тролль оказался кассиром, распорядителем и охранником в одном лице. Клаус уплатил одну серебряную и две медные монеты, получил мятый и пыльный билет, а также инструкцию: «Берни ничо, нормальный такой медведь. Только староват, склероз у него. Это ничо, ты ему только напоминай иногда, куды ехать-то надо».

«Иногда» оказалось примерно раз в пять минут. Наверное, в молодости Берни был весьма силён и развивал хорошую скорость. Но те годы прошли и прошли давно. Добрались до дома к ночи, Клаус принёс страдавшему одышкой медведю – пенсионеру воды, а затем отправил одного из оленей проводить беднягу обратно. С такой памятью ещё заблудится чего доброго.

Хмурое утро

Когда дети вспоминают Санта Клауса (а случается это обычно в канун Рождества), они представляют себе уютную комнату, почтенного старика с белой, как снег, бородой, вальяжно сидящего в кресле на фоне наряженной ёлки, свечи и печенье на столе, приятный полумрак... Старик этот облачён в красную шапку и кафтан, подбитый белым мехом (хотя, на мой взгляд, надо быть большим оригиналом, чтобы сидеть у себя дома в шубе и шапке). На лице его благожелательная улыбка... Заглянув этим утром в гостиную Санта Клауса, дети очень удивились бы.

Злой, небритый, с покрасневшими от бессонной ночи глазами, Клаус ходил по комнате, как лев по клетке. Одетый в старые джинсы и футболку с логотипом любимой футбольной команды, он пил уже третий кофеиник, который заботливые брауни только что сварили. Непрестанно ероша короткие чёрные волосы, Клаус в сотый раз перечитывал мятый лист бумаги, украшенный кофейным пятном.

Всю ночь он с Ричардом составлял так называемый бизнес-план. Необходимая вещь для тех, кто только начинает бизнес. Ведь чтобы предприятие успешно заработало, нужно многое учесть, поставить цели и четко расписать пути их достижения. Иногда, подсчитав на бумаге, сколько денег уйдёт на закупку материалов, зарплату рабочих и аренду помещения, понимаешь, что такой бизнес и начинать не стоит.

И выходило из этого бизнес-плана, что денег мало, проблем много, цели понятны, а вот пути их достижения – не очень.

– Видели б тебя дети сейчас, вот бы испугались! – улыбнулся Ричард, поглядывая на Клауса, мрачно раскладывавшего на столе папки с чертежами игрушек. – Похлеще Джека – Тыквенной головы выглядишь. По крайней мере, у него нет таких кругов под глазами.

– Для детей и стараюсь, – огрызнулся Клаус и с грохотом вывалил на стол схемы хлопунков.

– Давайте о деле, – примирительно заметил отчаянно зевавший эльф, а лепреккон согласно закивал.

Клаус собрал их на рабочее совещание ни свет, ни заря, и теперь участники этого совещания пребывали не в лучшей форме. Эльф сидел за столом, уронив на руки светловолосую голову, лепреккон отчаянно клевал носом, а тролль и вовсе бессовестно храпел, развалившись в кресле. Один Ричард был бодр, свеж и полон деятельного энтузиазма.

– Нам придётся заново заключить договоры на поставку речного песка, металлов, тканей и всего прочего, что нужно для производства, – Ричард ходил по столу взад и вперед. – Я тут смету составил – сколько чего нам нужно закупить, сколько денег уйдёт на зарплату, сколько на налоги.

Он продемонстрировал мелко исписанный лист, где были перечислены необходимые материалы, их количество, стоимость, расходы на оплату работников и прочее.

– Кто такие налоги? – насутился тролль. – Таких зверей не знаю. Кусаются?

– Это не звери! Но обычно они действительно кусаются, – расхохотался ворон. – Налоги платятся с прибыли.

– А прибыль это кто такая?

– Прибыль – это то, что ты заработал. А налог – это процент с прибыли, который ты должен отдать государству. Если налог, например, двадцать процентов, то это значит, что заработав десять монет, две ты платишь в казну.

– Не нравится мне это, – заворчал тролль. – А можно не платить?

– Нельзя. Не заплатишь – нарушишь закон.

Пока они препирались, Клаус внимательно рассматривал разложенные по столу чертежи. На мягкой желтоватой бумаге ещё при дедушке чья-то талантливая рука создала подробные схемы рождественских игрушек. Вот тряпичные зайцы с пуговицами вместо глаз, вот пряничные домики, украшенные глазурью и серебряными звёздочками, ёлочные шары на лентах, деревянные паровозы, мешочки с разноцветными леденцами. Всё такое привычное, такое знакомое... Слишком привычное и знакомое.

– Нам нужно придумать и сделать новые, совершенно другие игрушки. Такие, каких ещё никто не видел. Иначе никто их не купит, – неожиданно для самого себя вдруг произнёс Клаус.

Воцарилась тишина, которую поэт назвал бы гробовой. Тролль случайно раздавил сахарницу, лепреккон продолжал лить сливки в кофе, хотя чашка уже была наполнена до краёв, а Эрих задел локтем чернильницу, и теперь чертёж хлопущки с сюрпризом заливало чернильное озеро.

– Но... Клаус, как? – эльф начал поспешно заваливать чертёж салфетками. Теперь озеро превратилось в штормовое море с салфеточными волнами. – Кто всё это придумает, нарисует? Нам нужен художник и талантливый. Где мы его возьмём?

Лепреккон смущённо откашлялся.

– Проходил я тут (конечно, совершенно случайно) мимо офиса «Джек – Тыквенная голова», – начал он, устремив взгляд в потолок. – И опять же, совершенно случайно зашёл к ним в офис. У них та-а-акой дизайнерский отдел! Главный художник, очень милая тёмная эльфочка, кстати, придумывает концепцию. То есть, как игрушка выглядит. А дизайнеры чертят, как её сделать. Ну, мы могли бы кого-нибудь из них пригласить...

– Нет! – страшным голосом закричал Клаус. – Никакого Джека! Они наши конкуренты, ясно? Вот как мы поступим. Дадим объявление в «Утренний рассвет». Объявим конкурс среди дизайнеров, пусть пришлют нам одну игрушку, которую они сделали. А мы выберем лучшую, и автора пригласим к нам работать. Эту газету читают все, так что мы очень скоро найдём талантливого художника.

– Тогда и в «Ночную мглу» давай дадим объявление, – внёс рациональное предложение лепреккон. – Среди тех, кто работает ночью, а спит днём, тоже полно талантов.

– Что-то тебя тянет в последнее время не туда, – разозлился Клаус. – Как, скажи на милость, ты оказался у офиса Тыквенного Джека? Нет уж, нам с ночным народом не по пути. Это недобрые создания...

Он хотел сказать что-то ещё, но тут раздался звон разбитого стекла. Люси уронила свою фарфоровую чашечку, и теперь осколки лежали в кофейной лужице, похожие на крошечные конфетти.

– Босс! Как вы могли!

Громко рыдая, она вылетела из комнаты.

– Что? Как? – растерянный Клаус обернулся к ворону, ища поддержки. – Почему Люси обиделась?

– Потому, что она далрон. Ночной эльф. Она столько лет у тебя работает, а ты и не знал? – Ричард покачал головой.

– Не может быть! У далронов чёрные волосы, а наша милая Люси шатенка.

– Она их красит. Как и многие женщины.

– А ногти? У далронов длинные чёрные когти.

– Ну а Люси предпочитает цвет «розовый перламутр», как и я, – вклинилась в разговор миссис Клаус, демонстрируя свой безупречный маникюр.

– Хорошо бизнес начинаем, уже секретаря лишили, – подытожил Ричард, роясь в чертежах.

– Вот что, – Клаус резко поднялся из кресла, – вы тут объявление о конкурсе пишете, а я пойду извинюсь.

– И ничего у тебя не выйдет... – донеслось из кучи чертежей.

Клаус только отмахнулся и вышел из комнаты. Эрих проводил его сочувственным взглядом. У него была жена и две дочери, и он хорошо знал, как непросто вымолить прощение у обиженной женщины. Он подтянул к себе свежий пергамент и обмакнул перо в чернильницу.

– Я напишу рекламное объявление, а ты, Ричард, отнесёшь в обе редакции. Фред прав – нужно искать талантливого мастера везде.

С камина донеслось презрительное карканье. Ричард аккуратно заложил книгу закладкой и откашлялся.

– Ну, сейчас начнётся... – простонал тролль и демонстративно закрыл уши диванными подушками.

Не помогло. Резкий, пронзительный голос ворона проникал через красные, украшенные снежинками подушечки, которые мама Клауса когда-то сшила собственноручно.

– Ты что же, Эрих, одно объявление для двух газет собрался писать? Одинаковое?! – для большего выражения презрения ворон даже голову под крыло спрятал.

– Уже написал, – смущённо отозвался эльф, – вот, послушай: Внимание, конкурс! Ищем талантливого художника для создания эксклюзивных игру...

Гордон закашлялся, подушки от ушей убрал и строго посмотрел на эльфа.

– Зачем же ругаться? Нельзя неприличные слова в объявлениях!

Эльф слегка опешил.

– Это какое же я неприличное слово сказал?

– Известно, какое, – тролль понизил голос до шёпота, воровато оглянулся на миссис Клаус, листавшую очень старый журнал парижской моды, и прошептал: экс-к-лю-зивный, во!

– Это значит – единственный и уникальный, безграмотное ты болотное создание, – отмахнулся Эрих и продолжил, – ... для создания эксклюзивных игрушек. Конкурсные работы присылать по адресу... Дальше наш адрес... Победитель будет принят на работу в корпорацию «Санта Клаус и компания».

– Восхитительно! – захлопала в ладоши Молли.

– Отвратительно! – вынес вердикт ворон. – Ты пойми, Эрих, у этих газет совершенно разная целевая аудитория. «Утренний рассвет» рассчитан на существ добрых, милых и светлых. «Ночная мгла» – на практичных и деловых. Но ты не огорчайся, для начала сойдёт. Что у тебя там? Будет принят на работу. Так, теперь пишем дальше для «Утреннего рассвета». Пиши, Эрих: «Герой! Твой талант поможет подарить детям счастье! Без твоих игрушек не зажгутся огни на ёлке и улыбки на лицах детей!»

Так он распинался минут двадцать. Тролль захрапел в кресле, брауни успели помыть полы, и не только помыть, но и натереть пчелиным воском, отчего они заблестели, как зеркало.

– Ричард, милый, а не длинновато объявление? – с тревогой спросила Молли, поглядывая на мелко исписанный пергамент, который уже свесился со стола.

– Пожалуй, достаточно, – милостиво согласился ворон. – А теперь, Эрих, начнём писать объявление для «Ночной мглы».

– Пожалуй, я вначале передохну и добавлю чернил, – эльф заглянул в опустевшую чернильницу.

– Да там всего четыре слова, – успокоил его ворон. – После «принят на работу» пиши: «Высокая оплата, гибкий график».

– И всё? – поразился Эрих. – И никаких уговоров и мотивации?

– Для них деньги – лучшая мотивация, – веско возразил ворон.

– Для меня тоже, – тихонько проворчал лепреккон, огорчённо рассматривая свой заштопанный плащ.

Клаус обошёл весь дом, но Люси нигде не обнаружил. Значит – она в саду. А значит – совсем обиделась. Обычно, когда у Клауса с секретарём случались недолгие размолвки, она всегда пряталась где-то поблизости, чтобы дать ему шанс помириться как можно скорее. Но не в этот раз. Клаус даже в пудреницу жены заглянул, но безрезультатно. Несколько минут он постоял в нерешительности, затем вышел в сад. Так и не придумав, как будет извиняться.

В сад он не заглядывал уже две недели – не до того было. Но и две недели не такой уж большой срок, чтобы всё настолько изменилось. Прохладный осенний ветерок гнал по дорожке жёлтые листья вдоль клумб, прежде засаженных фиолетовыми и тёмно-красными астрами. Теперь же за поросшим мхом каменным бордюром Клаус увидел огненно-рыжие тыквы. Куда же делись астры? Когда он подошёл ближе, из земли взметнулись длинные узловатые стебли, тыквы шевельнулись и вдруг оскалили рты, снабжённые острыми клыками. Не ожидая такой активности от своих овощей, которых несколько дней назад и в помине не было, Клаус попятился и врезался спиной во что-то мягкое. Между ветвей дуба была раскинута пышная сеть паутины. Только сейчас Клаус заметил, что белоснежными нитями заткан весь сад. Она свисала длинными каскадами с кустов омелы, ползла по траве... В буквальном смысле. Он едва успел отдернуть ногу, и сплетённое из серебристых тончайших нитей щупальце промахнулось и оплело ветку жасмина. Что происходит?! Вместо скромных маргариток на газоне подняли бархатные головки розы. Украшенные бриллиантами росы и чёрные, как уголь.

Из кроны остролиста на обескураженного хозяина сада ринулась громадная летучая мышь, а до плеча дотронулись влажные, холодные пальцы. Клаус резко обернулся. Мощный ствол тысячелетнего дуба, посаженного ещё дедушкой Клауса, оплетала ядовито-зелёная лиана, усыпанная странными плодами. Они были похожи на прозрачные розовые каплевидные груши в кружеве траурных лепестков, только в отличие от обычных груш эти не свисали

вниз, а напротив, поднимались вверх. Лиана нежно сжала плечо Клауса, свободным побегом оторвала розовую грушу и протянула ему.

– Нет-нет, спасибо! – Клаус поспешно высвободился из зелёных объятий и сделал шаг назад.

Лиана разжала побег, и прозрачная груша медленно полетела вверх, как миниатюрный воздушный шар, теряя по дороге ажурные лепестки. Растение опустило яркие, будто лаковые листья и прошипело:

– Ж-ж-жаль...

Это переполнило чашу терпения Клауса, и он почти бегом устремился по садовой дорожке к пруду, где в тени раскидистого дуба стоял маленький, потемневший от времени домик садовника. Пруд выглядел не лучше. Вместо привычных кувшинок и ряски теперь вся поверхность пруда была покрыта огромными, светящимися изнутри красными водяными лилиями.

Не успел Клаус полюбоваться обновлённым пейзажем, как из чащи выпорхнула бабочка. Она заскользила над водной гладью, то поднимаясь вверх, то почти садясь на роскошные, сладко пахнущие лилии. Идиллическая, летняя картина, достойная кисти художника. Клаус умилился. Бабочка опустилась ниже... И вдруг лилия подпрыгнула, раздался звук, похожий на лязг челюстей, лепестки охватили беспечную летунью и затолкнули внутрь цветка. Послышалось чавканье.

– Грин! Грин! Это что такое у нас творится?! – Клаус тряс дверь сторожки.

Дверь домика распахнулась, и на пороге появился заспанный садовник, который отчаянно зевал и тёр глаза. Наконец он пересилил себя, посмотрел вперёд и просиял:

– Ну надо же! Уже расцвели! А только вчера посадил.

– Я спрашиваю, – прошипел Клаус, обвиняющим жестом указывая на пруд, – что это такое?

– Плотоядные лилии, – сверкнул белоснежной улыбкой Грин.

Всё остальное у него было зелёным. Волосы, одежда, умные лукавые глаза. Садовник был, по сути, членом семьи, никто уже не мог вспомнить, когда он поселился на берегу лесного пруда и начал заботиться о саде Клаусов. Может, это было при прадедушке Клауса, а может и раньше. Столь долгое сотрудничество давало повод Грину закрывать глаза на отсутствие зарплаты, а Клаусу на неумёмную страсть садовника к экспериментам.

Садовник нашёл союзника в лице Молли и ежемесячно «радовал» хозяина новыми приобретениями. То купит африканские кактусы, а потом вместе с Молли мучает Клауса возмутительными просьбами как-нибудь не морозить клумбу в восточной части сада, в другой раз завёл лигару. Первые два года на лигару не могли нарадоваться. Похожее на большой трухлявый пень растение быстро передвигалось по саду с помощью корней-щупалец, вырывая с корнем и поедая сорняки, культурные же растения лигару бережно пропалывал. Но потом он постарел, начал путаться – жевал любимые белые розы Молли, бережно пропалывал лопух. Выгнать пенсионера из сада рука не поднялась, пришлось построить ему отдельный домик, выгуливать на поводке и кормить аккуратно нарезанным бурьяном – половины зубов у него уже не было.

– Я не спрашиваю, как эти монстры называются, – Клаус кивнул в сторону пруда, где две плотоядные лилии гонялись за насмерть перепуганной лягушкой, – я спрашиваю – что они вообще тут делают?

– Ах, это... – садовник скрестил руки на груди и устремил взгляд в небо, чёрное от стай летучих мышей.

Так он делал всегда, когда предстоял спор с хозяином. Всегда заканчивавшийся победой садовника. Они вошли в домик.

– Неделю назад нашёл под дверью, – садовник поставил на дощатый, грубо сколоченный стол пустую коробку из чёрного бархата. К алой ленте была прикреплена записка:

*Подарок от Джека – Тыквенной головы!
Преобрази свой сад совершенно бесплатно!
На правах рекламы, образцы не для продажи.*

– И ты превратил наш сад в наглядную рекламу Хеллоуина? – Клаус потрясённо смотрел на предателя.

– Да при чём тут реклама? – садовник уже хлопотал у печи, наполняя позеленевшие от времени серебряные кубки. – Бесплатно такие удивительные семена подарили. Вот, попробуй, ледяной тыквенный сок, – Грин подал Клаусу кубок, наполненный ароматным соком.

– Это из тех, клыкастых? Ни за что.

– Напрасно, он восхитительный. И всегда холодный. А паутину пробовал? Она из сахарной ваты и растёт, как на дрожжах.

– Это точно, – каркнул Ричард, влетая в дом. – И эти розовые летающие груши просто великолепны.

Только теперь Клаус заметил, что клюв Ричарда перепачкан чем-то розовым и блестящим.

– Они называются «Слёзы ночи», – нежным голосом сообщил садовник, читавший список семян из коробки.

В самом тёмном углу кухни, куда не проникал солнечный свет, послышался тихий шорох. Грин метнулся к щербатому глиняному горшку, наполненному чёрной влажной землёй, из которой торчало наполовину погружённое семя. Яркое-зелёное, шипастое, оно напоминало молодой каштан. Семя шевельнулось, вздрогнуло и вдруг треснуло по всей длине. Из него выбрались глянцевые плотные листья, поднялся гибкий стебель, верхушка которого на глазах увеличивалась, превращаясь в нечто среднее между экзотическим цветком и головой бульдога. Цветок зевнул, показав два ряда острых треугольных зубов.

Раздался громкий стук в оконное стекло. Створка распахнулась, и на стол вползла лиана, усыпанная розовыми плодами.

– Это называется – реклама! – упрямо повторил Клаус, снял с полки увесистый том «Энциклопедии садовых вредителей. Краткий курс по быстрому уничтожению».

Примерившись, он хлопнул энциклопедией лиану по побегу, который она подняла вверх, точно ядовитая кобра. «Слёзы ночи» зашипели и уползли обратно в сад.

– Реклама – это когда ты можешь узнать фирму, которую рекламируют, – заспорил ворон, крепко сжимая лапой розовую грушу, которую успел оторвать.

– Ну, Джека – Тыквенную голову мы все узнали. А теперь, благодаря тому, что наш сад превращён в постоянную выставку, его будет знать всё королевство! – Клаус шипел не хуже лианы.

– Но ведь непонятно, что именно они рекламируют, – оправдывался Ричард.

– Ну отчего же? Джек и об этом позаботился, – ядовито возразил Клаус и указал в окно. Над садом медленно проплывала стая мышей, тащивших в своих когтях длинный транспарант, гласивший: *«Счастливого Хеллоуина! Наши товары приобретайте по адресу: Гиблая пустошь, замок Мордрейн. Открыто круглосуточно! А в твоём шкафу ещё нет скелета? Купи один – второй получишь бесплатно!»*.

– А ещё рекламируемый товар должен запоминаться, – невнятно пробормотал ворон. Говорить ему было трудно – клюв был набит сладкими «Слезамии ночи».

– Я это никогда в жизни не забуду, – прорычал Клаус. – Убери всю эту нечисть из моего сада, пока она нас не сожрала.

В комнату боком заполз старенький лигару, осторожно потрогал корнем Грина за рукав.

– Кушать хочешь, мой хороший? – ласково спросил его садовник. – А я уже приготовил.

Погладив лигару по высохшей, растрескавшейся коре, Грин поставил перед ним деревянное ведро, доверху наполненное аккуратно нарезанными астрами. Так вот куда они делись.

Пока лигару с восторгом уплетал любимые астры Клауса, ныне превращённые в салат, а Грин с восторгом смотрел на своего любимца, мысль Клауса лихорадочно работала. Как помириться с Люси? Ответ напрашивался сам собой.

Все смотрят на мир через призму своей профессии. Покажи цветок ромашки художнику – он восхитится и сделает рисунок, ботаник опишет его свойства, фармацевт сделает из него настойку, ну а мохнатый Рудольф с удовольствием слопаёт. Поскольку профессией Клауса было радовать детей подарками, а женщины, по его мнению, от детей отличаются не слишком, то путь примирения был очевиден. Да, но вот какой подарок можно раздобыть в саду? Рассеянно скользя взглядом по книжным полкам садовника, Клаус вдруг заметил старинный фолиант. На истёртом, порыжевшем от времени корешке было написано: «Флориография». Язык цветов! В Англии во времена королевы Виктории было модно дарить букеты, в котором каждый цветок значил какое-нибудь слово. Эдакое цветочное письмо, с помощью которого можно было признаться в любви или, напротив, оскорбить. А это неплохой способ извиниться!

Клаус снял книгу с полки и начал листать. Конечно, нужно принести извинения, для этого в букет следует включить маргаритку, потом выразить надежду... Какой цветок означает «надежда»? М-да. «Птицемлечник арабский».

– Грин, слушай, у нас в саду есть м-м-м... Птиц... Птице – млеч – ник?

Садовник удивлённо вскинул зелёные брови, потом громко расхохотался.

– Шутите? Он в Африке и Марокко растёт, а у нас тут, мягко говоря, холодновато.

Ладно. Клаус стал искать дальше. Нужно просить её проявить добродушие... Добродушие символизировал коровяк. Одно название чего стоит, а уж вид у этого метрового бурьяна и вовсе не радует взор. «Мы нужны друг другу» – капуста. Клаус живо вообразил, как преподносит Люси в качестве букета кочан капусты. Однако, надо же ещё и габариты дамы учитывать, подбирая букетик.

Полчаса мучений, ползания под кустами ежевики, постыдное бегство от маленьких, но очень кусачих летучих мышат, которых он потревожил, пытаясь сорвать плющ, символизировавший по утверждению книги «доверие», и букет был готов.

Люси нашлась довольно быстро – она лежала на облаке «Зловещего мха» и предавалась размышлениям. Довольно красивое иссиня-чёрное растение с блестящими ягодами слегка двигалось, покачивая фею, как колыбель. Люси мечтательно улыбалась, но увидев Клауса, поспешно приняла обиженный вид.

– Люси! А у меня для тебя подарок.

– Правда? – от неожиданности маленькая фея растеряла свой вид «жестоко и несправедливо обиженной».

Её взгляд смягчился, на личике засияла улыбка.

Однако, когда Клаус торжественно протянул её букет, состоявший из корявой грушевой ветки (дружба), печально обвисшего плюща (доверие), колючего репейника и прочего символического бурьяна, взгляд маленькой феи снова стал суровым.

– Это язык цветов, – поспешно пояснил Клаус, поскольку личико Люси любви и всепрощения не сулило. – Репейник означает благодарность, а вот эта коряга... Это, кстати, ветка миндального дерева...

– Босс, Вы МНЕ собираетесь рассказывать о цветах? – оскорблённая в лучших чувствах, Люси взмыла вверх и любовно рассматривала страшноватый букет. – Я фея и об этом знаю всё!

Она внимательно рассмотрела каждый цветок.

– Ладно, мир.

И поцеловала начальника в щёку.

Рассвет и мгла

Давать объявления о конкурсе Клаус отправился вместе с Эрихом. Всё ещё чувствуя свою вину перед несправедливо обиженной Люси, он больше не протестовал насчёт идеи обратиться в обе редакции, но самому идти в «Ночную мглу» не хотелось.

Здание редакции «Утренний рассвет» располагалось точно напротив редакции «Ночная мгла», и дорога разделяла их, как река два берега. Вечером, когда Клаус изучал карту, чтобы понять, как туда ехать, ему это показалось странным. Разве не должны были такие непримиримые конкуренты поискать место подальше друг от друга? Но теперь, стоя на необъятной парковке, он понял причину. Сначала распахнулась обшарпанная дверь «Утреннего рассвета», и по мраморной лестнице, отчаянно нуждающейся в ремонте, скатился толстенький гоблин с пухлой рукописью под мышкой. И со словами: «Глупцы! Вы ещё пожалеете, что не оценили великого гения!», устремился прямо в «Ночную мглу». Минутой позже распахнулась начищенная до блеска, кованая дверь «Мглы», и на улицу гордо, как полководец, потерявший весь свой легион, но не честь, вышел эльф и направился в «Рассвет», негромко бормоча: «Эти низменные, алчные создания ещё пожалеют...» Окно покинутой им редакции распахнулось, оттуда высунулась коротко стриженная молоденькая колдунья и крикнула ему вслед:

– Мистер Горан, ну поймите, нам неинтересны статьи, посвящённые проблемам линьки бакланов! Вот если вы напишете статью, где эти бакланы устроили вечеринку в королевской библиотеке, тогда милости просим!

Эльф вздрогнул, прошептал: «Невежды!» и решительно распахнул дверь «Утреннего рассвета».

– Да-а... – протянул Эрих, проводив взглядом своего соотечественника, – а страсти тут кипят нешуточные.

Парковка у редакций была общая, и уже в этот ранний час здесь было яблоку негде упасть. Ездовые животные ждали своих хозяев, и кого тут только не было! Скромные ослики и великолепные кони, мрачные лоси и быстроногие серны, каждый привязан к гранитному столбу с медной табличкой, на которой выбит номер. Величавый единорог Эриха брезгливо покоился на грязноватого дикого кабана, оказавшегося его соседом. Как и его хозяин, единорог безупречно выглядел – пышная грива заплетена в косы, васильковая попона подобрана под цвет глаз, копыта начищены воском. Кабан окинул соседа оценивающим взглядом с головы до ног и презрительно хрюкнул.

Эрих моральных страданий своего единорога не заметил. Он аккуратно привязал повод из тонкой кожи к бронзовому парковочному кольцу. Клаус скептически взглянул на эту сбрую. Как она вообще на единороге держится? Сплошные серебряные украшения, тонкие шнуры с кисточками, украшенные жемчугом. Тронь – порвётся. Эльф поймал его взгляд, усмехнулся.

– Моего единорога вовсе не нужно привязывать, это я так, для порядка. А вот некоторые дикие животные действительно нуждаются в крепкой уздечке.

Возразить было нечем – пока Клаусу удалось привязать своего оленя, он дважды встал на дыбы, попытался укусить парковщицу и двинул копытом в бок громадному ездовому медведю, мирно стоявшему рядом. Медведь взревел, оскалился, но увидев нацеленные ему в лицо громадные рога и боевой шрам через всю свирепую морду оленя, сменил гнев на милость. Олень фыркнул и принялся так яростно грызть трензель из закалённой стали, что Клаус подумал – задерживаться в редакции не стоит. Чего доброго, по возвращении их будет ожидать не только счёт за оплату парковки, но и счёт за съеденных медведей. Как он скучал по Рудольфу! Надо бы зайти, навестить. Наверное, этот поклонник пирожных уже и в дверь не пролезает.

– Вот что, Эрих, я в «Утренний рассвет», а ты к этим, во «мглу», хорошо? – не дожидаясь ответа, Клаус легко взбежал по широкой мраморной лестнице.

«Гибнущее великолепие», вот как это можно было назвать. Здание редакции было похоже на величественный древний храм, который покинули не только боги и жрецы, но даже туристы. Входные двери были отделаны витражами, на которых были изображены рыцарь и принцесса в волшебном саду. Покрытые пылью, потемневшие от времени, они приобрели зловещий вид, дожди прочертили дорожки на их лицах, и казалось, что юноша и девушка плачут чёрными слезами. На входе Клауса встретил привратник-гоблин, такой старый, что казался прозрачным. Он поднял на посетителя слезящиеся глаза и спросил слабым голосом:

– Вам в какой отдел?

– Ну, я хотел рекламное объявление дать.

– Тогда в коммерческий. Все платные услуги у нас там. Я провожу Вас, идёте, – гоблин вдруг смущённо улыбнулся. – Тапочки не желаете?

– Какие тапочки?! – растерялся Клаус.

– Розовые. Можно голубые, – кряхтя и охая, привратник выудил из плетёной корзины мохнатые ярко-розовые шлёпанцы. И видя непонимание в глазах посетителя, пояснил, – Паркет. Ему четыреста лет, и смотрите, что с ним сделали? В тапочках он не так страдает.

Паркет был таким же старым, как и привратник. Чьи-то искусные руки с помощью дерева и резца создали иллюзию, будто ты идёшь по лежащим под ногами книгам. Иные были раскрыты, и можно было ещё разобрать иллюстрации и полустёртый ногами посетителей текст, другие закрыты, и оставалось гадать – что под обложками, покрытыми узорами и украшенными драгоценными камнями. Ближе к стенам книги выглядели, как живые, но по центру комнат и коридоров были протоптаны серые аллеи. Клаус нацепил чудовищные шлёпанцы на свои ботинки. Привратник жертву оценил, расплылся в широчайшей улыбке и засеменял по коридору, приглашая следовать за ним. Клаус от души понадеялся, что не встретит знакомых – такие тапочки не скоро забудутся.

Стены галереи покрывали фрески, изображавшие дворец из серого камня – резные арки, галереи, лестницы, ведущие то вверх, то вниз, то в никуда. На них росли дикие розы, райские птицы мелькали среди листвы магнолий и лавров. У прохладных струй фонтанов золотоволосые принцессы играли с леопардами.

Но нарисованные небеса рассекали трещины, образовавшиеся в штукатурке, пятна сырости обезобразили муаровые тела леопардов. Вдоль стен из пола росли уже немолодые дубы, и оставалось только гадать, как они выдерживали без света – высокие ажурные окна, которые раньше заливали галерею солнечным светом, стали мутными и тёмными от пыли. А кроны дубов были заражены омелой. Конечно, очень удобно для Рождественской традиции, обязывавшей поцеловаться всем, кто оказался рядом под венком из омелы. Но чья эту традицию в редакции «Утренний рассвет» пришлось бы непрестанно целоваться на протяжении всего пути – омела оплела каждую ветку, захватив весь потолок. У Клауса в саду она тоже была – как-никак символ Рождества, но там Грин ей такой вольности не позволял. Тоскливую тишину нарушал только звук голубиных крыльев над головой. Хотя и эти почтальоны летали тут не часто.

– Скажите, а почему тут такое... – Клаус пытался подобрать деликатное слово.

– Запустение? – пришёл ему на помощь гоблин. – Да... Редакция была на государственные деньги построена. Тогда из бюджета много денег выделили, ну и наняли лучших художников и архитекторов. Только это же всё поддерживать надо. А у королевства потом другие проблемы начались – война с орками, ещё много чего. Не до редакции. Мы уж и просили, и писали, нет, не могут из бюджета нам ничего выделить. Принадлежала бы редакция частному лицу, как вон те, – привратник неприязненно кивнул в сторону «Ночной мглы», так хозяин-то уж нашёл бы деньги на ремонт.

– Ну а если у хозяина денег нет? – пожал плечами Клаус.

– Тогда он продаст своё предприятие тому, у кого эти деньги есть. Но мы пришли, Вам сюда.

Клаус открыл дверь, на которой была криво прибита табличка: «Коммерческий отдел. Лулу Пиг, редактор». Ну и где эта Лулу? В кабинете никого, за исключением маленькой собачонки, носившейся по рабочему столу вокруг горшка с цветком. Клаус подошёл поближе. На столе он увидел поднос с пирожными, чайник и три чашки, книгу «Простые чары для домашнего уюта», колоду для пасьянса, которая при его приближении открылась и карты веером вылетели на стол. Над рабочим креслом спицы меланхолично вязали полосатый шарф, такой длинный, что часть его грудой лежала в кресле, и такая же груда была на полу. Рабочие принадлежности представлены тремя папками. Первая красная, с надписью: «Важно!», вторая серая, с табличкой: «Попозже», на третьей, чёрной, значилось: «Потом как-нибудь». Не удержавшись, Клаус протянул руку к папкам, но тут собачка огласила комнату визгливым лаем и ринулась на непрошенного гостя. По счастью, лапы её увязли в бесконечном шарфе, и она с грохотом упала на пол. В это время в кабинет влетела почтовая ворона и принялась рассовывать корреспонденцию по папкам. Рекламу губной помады и приглашение «К Сюзии на чашечку кофе» засунула в красную папку, листы с припиской: «Срочно!!!! Главный редактор» пошли в серую, рукописи отправились в «Потом как-нибудь».

– Ты ничего не перепутала? – поинтересовался Клаус у вороны.

Та покачала головой, блеснула глазом, похожим на чёрную смородину, и выразительно постучала клювом по табличке «Лулу Пиг».

– А, тебя так просят раскладывать? – Клаус усмехнулся.

Рядом с напольными часами, чей бронзовый маятник мерно раскачивался за толстым стеклом, висел откидной календарь. Весь день Лулу Пиг был расписан по минутам:

10.00 Выпить кофе с пирожными

11.00 Зайти к Берти, похвастаться новыми туфельками

12.00 Отдых

И так далее. Работа в данное расписание не входила, зато стало понятно, где найти редактора коммерческого отдела. Клаус без труда разыскал табличку «Отдел современной литературы. Бертран Швайн, редактор» и вошёл, не церемонясь, без стука. В комнате, отделанной светлым деревом и затянутой гобеленами, было непривычно для «Рассвета»людно. Перед редакторским столом, за которым сидел сутулый, чахлый юноша (очевидно, Берти), располагалась целая делегация из семи гномов. Одеты старомодно – на голове у каждого колпачок, поверх шёлковой рубашки и жилета широкие кожаные пояса с петлями, чтобы крепить инструменты. Ясно, из старого клана рудокопов. И хотя никто из них кирку даже в глаза не видел, сразу видно – традиции чтут.

– Мы хотели осведомиться о судьбе нашей рукописи, – степенно поглаживая бороду, начал старший.

– Э... да... – пробормотал чахлый Берти и повернулся к девушке, которая разливала чай, – Лулу, подай, пожалуйста, во-о-он ту папку.

При взгляде на Лулу у Клауса брови поползли вверх. Он думал, что толстых эльфов не бывает. Оказывается, бывают и ещё как. Хотя если есть пирожные каждый час (а судя по её расписанию, так и происходит) вполне можно приобрести такое разительное сходство с бегемотом.

– «Белоснежка», – прочитала Лулу название на папке. – Странно. Вы уверены, что это ваше авторское произведение? Вроде я что-то такое помню из детства.

Гномы оскорбились. Минут пять они гудели, как улей потревоженных пчёл. Были слышны отдельные реплики: «Фамильное предание», «Да я эту рукопись у дедушки тайком из стола таскал».

– Ладно, ладно, – примирительно махнул рукой Берти. – Значит, вы утверждаете, что авторские права принадлежат вам?

– Ну мы не сами её написали, – один из гномов поправил на носу очки, – но она принадлежит нашей семье, и мы хотим издать её и ещё продолжение, которое написал вот он, – гном указал на самого молодого, у которого едва начала пробиваться борода.

– Авторские права на произведение имеет или автор, или его наследники в течение пятидесяти лет после его смерти, – сурово заявил редактор, сверля взглядом всех гномов по очереди.

Старший гном крикнул и полез за пазуху. Извлёк оттуда папку дорогой кожи, вынул и продемонстрировал Берти и Лулу лист бумаги, щедро украшенный гербами, водяными знаками и оттиском печати, в центре которой красовался преуродливый гномий профиль.

– Вот, – торжественно изрёк старший гном, – это посмертное завещание моего покойного дядюшки, который оставляет мне не только свой свечной заводик... Кстати, вам тут свечи не нужны? Оптом мы продаём дешевле.

– Как это – оптом? – пролепетал ошарашенный такой резкой сменой темы редактор.

– Оптовая торговля – это когда вы покупаете товар большими партиями. А розничная – это когда понемножку, скажем, вы одну свечку купите или две. Но и в розницу у нас прекрасные цены...

– Мистер Корби, – Берти побагровел и даже спину немного выпрямил, ненадолго утратив сходство с вопросительным знаком, – Вы мне свечи хотите продать или всё-таки «Белоснежку»?

– Извините, отвлёкся, – смутился гном. – Профессиональные привычки бизнесмена, знаете ли. Конечно, Белоснежку. Так что Вы решили?

– Мы издадим, – Берти немного успокоился, – но только первую часть, без продолжения. И после серьёзной корректуры.

– После чего?

– Цензура не позволяет издать как есть. Кое-что придётся откорректировать. Проще говоря – исправить или выбросить. Ведь эту сказку дети читать будут! – редактор осуждающе сдвинул брови. И, видя недоумение на лицах гномов, сказал уже мягче:

– Вот поправки, которые мы предлагаем. Королева повелевает своему слуге убить Белоснежку и в качестве доказательства принести её сердце. Ну как такое можно писать в детской книжке?! Предлагаю – она просит просто отвести девчонку в лес. Ну, а там бы её зверушки съели или с голоду помрёт – её проблемы. Гораздо гуманнее. Второе. Слуга убивает лань и приносит её сердце королеве под видом Белоснежкиного. Тоже не гуманно. Предлагаю – он купил сердце на рынке, у мясника. Третье. Молодая девушка живёт в одном доме с семьёю мужчинами. Это неприлично. Пусть поживёт в сарае, ну или просто в лесу. И, наконец, финал. Господа, это не финал, это – финиш. Принц ЦЕЛУЕТ Белоснежку. Молодой человек едет на коне через лес по своим делам, видит труп девушки в гробу. Открывает этот гроб (кстати, нарушение частной собственности) и без всякого спроса целует этот труп. А может, она против? Предлагаю – ехал мимо, посмотрел, она проснулась.

Воцарилось гробовое молчание. Гномы сидели с отвисшими челюстями, Клаус тоже.

– Ну хорошо, – пролепетал наконец автор продолжения. – А вторую часть почему же вы не хотите публиковать?

Берти приосанился. Принял неприступный вид, откашлялся.

– Вы слишком вольно обошлись с Белоснежкой, юноша. Во второй части она выходит замуж за короля гномов!

– Ну и что?

– А принца куда же дели? – как можно коварнее спросил редактор.

– А его дракон съел, – хладнокровно отрезал старший гном.

Это грозило затянуться надолго. Надо было как-то привлечь к себе внимание мисс Пиг. Клаус припомнил, что Эриху достаточно было любезно улыбнуться и он тут же был обеспечен самым безраздельным вниманием. Он послал мисс Пиг самую любезную из своих улыбок. Никакого результата. Тогда он извлёк из портфеля пергамент с текстом рекламного объявления, продемонстрировал поверх голов спорящих гномов. Лулу пожалала плечами. Оставалось последнее средство. Конечно, это было припасено для встречи с Рудольфом... Клаус достал и показал ленивой редакторше коробку шоколадных конфет.

Уже через минуту они сидели в «коммерческом отделе».

– Дорого получится, – сочувственно вздохнула мисс Пиг, ознакомившись с текстом объявления, – по две медные монеты за слово, а у Вас тут целая летопись... – она любовно погладила крышку наполовину опустевшей коробки конфет. – А давайте, я сокращу?

Текст она урезала втрое. И всё равно объявление обошлось Клаусу в немалую сумму.

А в это время Эрих ступил под тень логова тьмы. Напоминало это хорошо организованный муравейник. Вокруг него сновали сотрудники и посетители, над головой проносились почтовые птицы, у стойки рецепции Эриху пришлось резко пригнуться – над головой пронёсся стервятник, сжимавший в когтях пачку фотографий. За стойкой он увидел измученную фею-секретаря, которая занималась сразу тремя вещами – отвечала на телефонный звонок, что-то записывала в книге, похожей на фолиант чернокнижника с солидным опытом работы, и общалась с подозрительной личностью. Личность, смахивающая на гоблина, знававшего лучшие времена, была облачена в поношенный, залатанный плащ с капюшоном, полностью скрывающим лицо.

– Скажи, милочка, – обратился гоблин к секретарю, – как думаешь, за эти фотографии мне что-нибудь заплатят?

Он протянул фее конверт из плотной, коричневой бумаги. Та нехотя открыла, взглянула и тут же покраснела, да так, что Эрих всерьёз обеспокоился её здоровьем.

– Я не думаю. Я уверена, – твёрдо ответила она и тут же подозрительно спросила: – Фото настоящие? Никакой магии?

– Обижаешь, милочка.

Отправив гоблина в какой-то загадочный кабинет «горячих новостей», фея, так и не взглянув на Эриха, пробормотала:

– Вам в какой отдел?

– Даже не знаю. Поможете?

Фея подняла полный вселенской скорби взгляд на бестолкового посетителя, но увидев перед собой высокого, статного красавца, мгновенно преобразилась. Куда только девалось её мрачное выражение лица!

– Всё просто, – заворковала она неожиданно нежным голосом, – если приносите интересный материал – скандальные фото, непристойные новости, которые пока никому ещё не известны, ужасы какие-нибудь – платим мы. Хотите опубликовать статью о классической музыке, издать научную книгу или разместить рекламное объявление – платите Вы.

– Рекламное объявление...

– А знаете, что? Давайте я Вас познакомлю с нашим лучшим журналистом?

Она, не дожидаясь согласия, потащила Эриха по коридору. Интерьер издательства чем-то напоминал больницу. Стерильно, продумано до мелочей. До блеска отполированные мраморные полы, искусственные цветы в пластиковых горшках на низеньких ножках, стрелы длинных коридоров, где вдоль стен скамеечки для посетителей, на стенах ни фресок, ни картин, зато всё пестрит рекламными плакатами. Особенно поразил Эриха двухметровый плакат, на котором здоровенный рогатый повар доставал из печи, в которой полыхало адское пламя, свежий номер «Ночной мглы». Текст гласил: «У нас самые горячие новости и самые жареные факты!».

Фея проводила Эриха до двери, откуда доносились крики, ругань и другие звуки, обычно сопровождающие напряжённый рабочий процесс.

– Вам к Саре Эвилл. Лучший журналист в королевстве, уж Вы мне поверьте.

Эрих осторожно вошёл, огляделся. Кабинет маленький, единственное окно закрыто угольно-чёрным экраном, на котором мелом написаны расценки за услуги издательства. Кроме самой журналистки в комнате находились: очень злой тролль в дорогом костюме-тройке, очень довольный гоблин в цилиндре и с сундучком, закрытом на большой замок, и ещё одно удивительное существо. За столом, на котором стоял новенький кассовый аппарат, сидел механический гном с молоточком в руке. Его бронзовое лицо абсолютно ничего не выражало.

Сара Эвилл сидела за столом, сцепив тонкие пальцы, и так же бесстрастно взирала на бушевавшего тролля. А тот потрясал вчерашним номером «Ночной мглы».

– Мисс Эвилл, я вам за что заплатил?! Первый платёж, три дня назад, я произвёл вам за то, что вы рекламируете мой завод резиновых изделий, производящий резиновых уток для купания. Второй платёж я провёл вчера за то, что вы делаете антирекламу моему конкуренту, мистеру Гамми! Что такое реклама, по-вашему, а?

Сара безмолвствовала, как египетский сфинкс. Но разгневанный король резиновых уток и не нуждался в диалоге. Он рубанул газетой, как боевым мечом по столу.

– Правильно! – громыхал тролль, хотя ему так никто ничего и не ответил. – Реклама – это когда ты так рассказываешь о товаре, что его хотят купить! А что такое антиреклама? Именно, когда ты так преподносишь товар или услугу, что его никогда, слышите, никогда не хотят купить! Ясно Вам? И что Вы сделали? – он обвиняюще ткнул в статью под заголовком «Экологические уточки Торнтонна», занимавшую половину первой страницы.

– Вы же просили сделать в статье упор на натуральность Вашей продукции, в отличии от уток Вашего конкурента, мистера Гамми, – невинно отозвалась Сара.

Впервые её губы дрогнули в слабой улыбке.

– И как Вы это сделали? – взревел тролль, ткнул пальцем в статью и начал читать вслух: «Никаких красителей, уточки Торнтонна имеют естественные оттенки от грязно-бурого до болотного, в отличие от красочных уток Гамми», «никаких ароматизаторов, естественные запахи родных полей – перепревшей травы, навоза»...

Эльф вместе с гоблином так и покатались со смеху. Но троллю ситуация забавной не казалась:

– Вы должны были рекламировать меня! И писать гадости про мистера Гамми! Почему Вы поступили наоборот?!

Сара Эвилл указала на гоблина:

– Потому, что мистер Гамми заплатил первым за тот же пакет.

Троль обернулся, впервые заметив широко улыбающегося гоблина, и пришёл в неопишемую ярость.

– Какой ещё пакет?! Никаких пакетов я не покупал!

– Пакетом называется набор услуг. Вот, пожалуйста, Ваш счёт, – Сара коснулась кончиками пальцев толстой папки, та лениво зевнула, открыв картонные челюсти, и вытащила языком-лентой лист бумаги.

– Так, что у нас тут. Пакет «стандартный». Пункт первый – прославление компании «Резиновые уточки Торнтонна», пункт второй – поливание грязью компании «Резиновые уточки Гамми». Вы внесли деньги четырнадцатого числа. А мистер Гамми двенадцатого.

– Но как же мой пакет?!

– Опубликуем завтра.

– Но послушайте, – заволновался гоблин, – я вовсе не хочу, чтобы про меня писали пакости.

– Можете заказать услугу «опровержение», – равнодушно ответила Сара. – Мы напишем опровержение – статью, где читателям сообщат, что всё, что писали про Вас до этого, – враньё. Стоимость услуги сто пятнадцать золотых.

– Хочу! – тролль с такой силой стукнул кулаком по столу, что ваза с пластмассовым цветком подпрыгнула и с жалобным звоном упала на пол.

Теперь Эрих понял, почему и вазы, и цветы в редакции «Ночной мглы» сделаны из практичного материала. Очевидно, такие страсти здесь кипят ежедневно.

– И я хочу! – подал голос гоблин.

– Поскольку вы оба хотите приобрести услугу, мы организуем аукцион. Кто больше заплатит, тот и получит услугу первым. Роджер, – Сара повернулась к механическому гному, – займись джентльменами.

Гном Роджер ожил, повернулся вокруг своей оси и с равной учтивостью раскланялся перед конкурентами.

– Итак, джентльмены, вашему вниманию предлагается лот «опровержение». Начальная ставка – сто пятнадцать золотых.

– Сто двадцать! – рявкнул тролль.

– Двести, – негромко и флегматично предложил гоблин.

– Двести пять!!!

– Триста.

Троль заглянул в кошелёк, пересчитал деньги, расстроился. Потом решительно снял с пальца оригинальный перстень – к золотому ободку был прикреплен бриллиант, огранённый в форме уточки для купания.

– Триста два и этот золотой перстень с бриллиантом!

Аукционист хотел что-то сказать, но в это время гоблин, также считавший деньги в кошельке, подскочил, как ужаленный, и бросил на тролля гневный взгляд.

– Ах ты так, жалкий производитель навозных уток?! Ну, хорошо! Триста золотых и моя трость с набалдашником из слоновой кости!

Гоблин торжественно продемонстрировал великолепную трость, увенчанную костяной утиной головой. Троль позеленел от злости и начал лихорадочно рыться по карманам.

– Бриллиантовый перстень и... и... И золотое вечное перо!

– Шляпа из шерсти мохнолапа!

– Пояс, украшенный жемчужными уточками!

– Пиджак из драконьей кожи!

Механический гном едва сдерживал смех, наблюдая за битвой утиных магнатов. Но внезапно взгляд его застыл, он, как зачарованный, уставился на старенький железный брелок в виде механической уточки, который отчаявшийся гоблин извлёк из недр своего портфеля. Брелок этот был знаком Эриху. Такие во времена его детства (а было это очень давно, ведь эльфы живут долго) можно было купить за пару медных монеток в любой лавочке. Гоблин не мог не заметить внезапно загоревшихся глаз аукциониста.

– А хотите, – обратился он к гному медовым голосом, – я подарю Вам эту уточку?

– Нет, нет, не могу, это взятка! – гном замахал руками, не отрывая жадного взгляда от механической уточки. – Меня же в тюрьму посадят!

– Взятка – это деньги, которые дают должностному лицу, чтобы повлиять на его решение. Или оплата преступных действий, – возразил образованный гоблин.

– Деньги или ценные вещи, которые дают, чтобы подкупить! – жалобно простонал гном.

– Ну какая же она ценная? – коварно улыбался гоблин. – Просто дружеский подарок хорошему челове... гному.

Во время этого диалога тролль судорожно хватал ртом воздух, словно карась, которого безжалостные рыбацкие сети вытащили на берег. Наконец он обрёл дар речи.

– Ах ты, подлый взяточник! Ну, я тебе покажу, как аукционистов подкупать!

Он вскочил, схватил стул, на котором сидел, но сколько не пытался, оторвать его от пола не смог. Бедный тролль попытался сдвинуть стол, но тоже безуспешно. Тогда он обрушил весь свой праведный гнев на Сару:

– Что это у вас в редакции мебель к полу привинчена, как в сумасшедшем доме?!

– Какие клиенты, такая и редакция, – хладнокровно парировала Сара.

Гоблин воспользовался паузой.

– Механическая уточка и мой кошелёк! Пустой.

Тролль посмотрел на него страшным взглядом. Он вывернул все карманы, вытряхнул портфель...

– Штаны, – хриплым голосом провозгласил он, свирепо глядя на аукциониста. – Мои штаны из лучшего эльфийского бархата.

Воцарилась тишина. Потом гоблин пролепетал внезапно севшим голосом:

– Коллега! Вы так преданы священному делу производства резиновых уточек, что готовы отдать за это последние штаны? Коллега, я Вас недооценил. Позвольте пожать Вашу честную руку!

Тролль торжественно кивнул и протянул гоблину свою громадную лапу.

Воспользовавшись паузой, Эрих обратился к Саре, со скупающим видом наблюдавшей за сражением уткопроизводителей.

– Здравствуйте! Я хотел бы дать объявление о конкурсе. Мы ищем дизайнера для создания ёлочных игрушек.

Сара подняла на него недовольный взгляд, но увидев, кто перед ней, тут же расплылась в ослепительной улыбке.

– Конечно! Только давайте перейдём в другой кабинет? Здесь немного шумно. Неуютно... И неудобно.

Обратно она вернулась только через час. И застала удивительную картину. Рабочий стол был завален пустыми коробками из-под пиццы, на трёх железных подносах для срочных писем гордо возлежал жареный кабан, под столом поблёскивали четыре пустые бутылки из-под сока дуриана. Мистер Гамми в обнимку с мистером Торнтоном горланили эпическую песнь про подвиги бравого Курта Вислоухого. Механический аукционист сидел напротив, как раз между обглоданным скелетом кролика и салатом из жаренных мышинных хвостиков. Он любовно поглаживал брелок в виде уточки и шептал вполголоса:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.